

Лев Виноградов

Детские годы Александра Сергеевича Пушкина в Немецкой слободе и у Хари- тония в огородниках

Весной 1817 г. в прощальных стихах по поводу окончания Царскосельского лицея, обращенных к выпускному студенту А. А. Дельвигу, один из его товарищей со скромной сдержанностью писал:

. . . . Ни счастьем, ни славой
Не буду ослеплен. Пускай они манят
На край погибели любимцев обольщенных
.

Что нужды? Проживу в безвестной тишине.
Потомство грозное не вспомнит обо мне—
И памятник певца в пустыне мрачной, дикой,
Забытый порастет ползучей повиликой¹).

Темные предчувствия 18-летнего автора сбылись в самой малой мере. И хотя через 20 лет автор этих стихов сошел в могилу на одном из самых заброшенных монастырских

¹) Полное собрание сочинений А. С. Пушкина под редакцией В. Брюсова, 1920 г., т. I ст. 71. По верному замечанию Брюсова, стихотворение любопытно в биографическом отношении.

погостов, но не оправдались слова юноши о безвестности его в потемстве, о скором забвении его у всех, как забывается к вечеру цветок, утром поджопенный на поляне.

Где родился Пушкин и какие гении, места, родные и друзья семьи лепляли природную талантливость нашего национального героя? Какие впечатления дала ему Москва как город и как социальная среда в детские годы его?

Предки поэта — старожилы Москвы

Кропотливые разыскания наших предшественников позволяют назвать род Пушкиных «старыми москвичами» и даже проследить московские дворовые владения, где жили предки Александра Сергеевича, по крайней мере, за шесть поколений.

Стольник Петр Петрович Пушкин, прапращур Александра Сергеевича, значится в Росписном списке Москвы 1638 г. владельцем дома в нынешнем Армянском переулке у Николы чудотворца у столпа на церковной земле в соседстве с Василием Никоновичем Бутурлиным и несколькими иноземцами¹⁾.

По словам П. И. Бартенева («Отечественные записки», 1853 г., ноябрь, отд. 2, стр. 11), в его руках были выпись и купчая на большой двор на Рождественке в приходе церкви Николая чудотворца, что на Божедомке (теперь «Никола, что в звонарях», на Рождественке под № 15), принадлежавший тому же Петру Петровичу Пушкину. Двор этот достался в 1660 г. вдове и детям его, из коих сын его, также Петр Петрович, повидимому, продолжал жить там же до смерти в 1692 г. В 1667 г. за этим Пушкиным значится двор «прошед Горшечный ряд, не доходя Посольского двора» (см. статью И. С. Беляева, сборник «Старая Москва», выпуск 1, стр. 9).

¹⁾ Здесь необходимо привести мнение В. И. Ленина о Пушкине, передаваемое в воспоминаниях Н. К. Крупской: «Что нравилось Ильичу из художественной литературы?» (Сборник: «Удар» и «Вечерняя Москва» 1927 г. 24 января № 18). — «Я привезла с собой в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гоголем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина. Но не только форму ценил он. . . Приехав в 1921 г. к молодым художникам, жившим коммуной при Высших Художественных Мастерских, задал вопрос: — Что вы читаете? Пушкина читаете?»

— О, нет? — выпалил кто-то, — он был, ведь, буржуй! Мы — Маяковского. Ильич улыбнулся: По-моему Пушкин лучше. После этого Ильич немного подобрел к Маяковскому.

²⁾ См. в Росписн. списке изд. Воен. истор. общества, стр. 117.

Прадед поэта Александр и дед Лев Пушкины владели обширным участком, что по нынешнему Божедомскому переулку под №№ 11, 13 и 15 и под №№ 1/15, 2/16 по первому Самотечному переулку; участок в 1798 г. был продан Нелидову, затем был куплен генерал-губернатором Тормасовым, а в 1824 г. куплен Иваном Николаевичем Римским-Корсаковым, с семейством которого дружил Пушкин¹⁾.

В 1798 г., по продаже владения на Божедомке, вдова полковника Льва Александровича Пушкина Ольга Васильевна Пушкина покупает владение в приходе Харитония, что в Огородной слободе, теперь дом № 7 по Малому Харитоньевскому пер. (окладн. № 50/43), рядом с церковным двором, и в течение 10 лет дом этот остается в семье Пушкиных, сперва как собственность бабушки поэта, а затем дяди Василия Львовича, теток и отца поэта. Этот обширный двор, в котором жило до 70 человек, и который сейчас застроен громадным четырехэтажным домом (в конце XIX столетия владение фабриканта Котова) можно считать последней вспышкой барской зажиточности Пушкиных.

Девять предположений о месте рождения поэта

Однако, не здесь, не под кровлей богатого бабушкина дома, не в родовом наследственном углу, а где-то в изгнании, — по каким-то особым причинам, о которых едва можно догадываться, — увидел свет Пушкин.

Сам Александр Сергеевич не оставил письменного свидетельства о месте своего рождения. Неудивительно, что и поклонники его памяти долго заблуждались в поисках этого дома, и что поиски обратились в состязание между иссле-

¹⁾ В Москве долго помнили, что „Корсаков сад“ принадлежал предкам поэта; трудно допустить, чтобы и Александр Сергеевич, бывая в Москве в 1826—36 гг., не навещал этого лучшего места общественных гуляний того времени. Известно, что Тормасов расширил сад арендой смежного владения, вырыл новый пруд, насадил дубовую аллею, завел оранжерею, выстроил беседки и наполнил сад статуями и цветниками. Римский-Корсаков построил за средним прудом круглую сквозную беседку с мраморной статуей Екатерины II, будто бы посетившей эту дачу; московской публике был открыт вход, чтобы смотреть иллюминацию, полеты воздушных шаров и слушать игру известных артистов и артисток, посещавших Москву; на прудах плавали шлюпки, в аллеях пели поселники, и москвичи не могли нахвалиться корсаковскими вечерами. После 1830 г. сад стал приходить в упадок, находясь в аренде у разных антрепренеров. С 1853 г. он под именем „Эрмитажа“ в аренде у Педотти, затем у Мореля, вновь блестяще оживившего его; с 1880 годов в нем антреприза Летовского; в последнюю четверть века большая часть этой загородной усадьбы, потом виллы и увеселительного сада застроена доходными домами. (Журнал „Пантеон“ 1854 г., август; разыскания о месте нахождения принадлежат Н. П. Чулкову; воспоминания

ной Греции о праве именоваться родиной отца поэзии — Гомера. Но еще удивительнее то сдвигание обстоятельств, что и у нас возникало не больше и не меньше как 9 предположений о месте первой колыбели нашего Гомера. Рассмотрение этих догадок не раз занимало историко-литературные круги, городское общественное управление, газетный мир и читающую публику, но всякий раз не доводилось до конца с использованием всех методов историко-юридического исследования.

Оглянемся в исторической перспективе на эту загадку в биографии Пушкина.

Первое предположение. Еще при жизни поэта, когда он томился в подневольном изгнании в Кишиневе, литератор Н. И. Греч, издавший «Опыт краткой истории русской литературы, С.П.Б., 1822 г.», указал в краткой биографии молодого поэта, что он родился «в Санкт-Петербурге 26 мая 1799 г.». Сведения это было, вероятно, заимствовано из косвенных соображений; поэту не представилось случая опровергнуть в печати ошибочное сообщение его горячего почитателя.

Второе предположение. В 1852 г. двоюродный дядя поэта Александр Юрьевич Пушкин напечатал в № 24 «Москвитянина» статью под названием «Для биографии Пушкина», в которой вспоминал:

«В 1798 г. Сергей Львович выпел в отставку, переехал с семейством своим в Москву и занял дом княжен Щербатовых, близ Немецкой слободы, где в 1799 г. родился у них сын Александр; наш полк (Астраханский гренадерский) в то время был уже в походе, где я и получил об-рождении Александра Сергеевича от сестры письмо, что он на память мою назван Александром, а я заочно был его восприемником. В конце того же года, возвращаясь из похода в Москву, я уже Сергея Львовича с семейством не застал; они уехали к отцу своему Осипу Абрамовичу в Псковскую губернию в село Михайловское»

Это сообщение редактор «Москвитянина» Погодин снабдил восторженным примечанием: «Наконец узнаем мы дом, где родился наш незабвенный поэт!» Однако, радость Погодина была преждевременна. Престарелый родственник и друг детства матери поэта Надежды Осиповны, возможно,

Погожева; Орлов И., истор. описания троицкой церкви, что в Троицкой слободе, 1844 г., стр. 63).

Кроме того, известны еще следующие владения Л. А. Пушкина:

1) На Арбате в приходе „Николаы, что в плотниках“. Лев Александрович владел строением на дворцовой земле в 440 саж. по купчей 1751 г. (Акт. книги № 796, по разыск. Н. П. Сырейщикова).

2) В 1746 г. 1 июня он же купил у И. И. Головина за 10 рублей белое место в приходе церкви Николая, что в Хлынове.

был вполне прав, когда говорил, что первоначально родители поэта остановились в доме Щербатовых. Такой дом существовал на месте нынешнего владения в Аптекаарском пер. под № 15 и принадлежал Екатерине Петровне и Варваре Алексеевне Щербатовым¹). Несомненно, что молодые Пушкины после рождения первой дочери Ольги бросили Петербург, то ли по материальным затруднениям, вытекавшим из службы в гвардии, то ли из дальновидного опасения всех прелестей Павловского режима и надвигающихся походов, которые могли разлучить молодых супругов.

Но если, в целях проверки, обратимся к «исповедным ведомостям» богоявленского, что в Елохове, приходского храма, сохранившимся в полной исправности, мы не найдем в них по дому Щербатовых никаких упоминаний о Пушкиных. Между тем известно, с какой тщательностью велись духовенством исповедные ведомости, и как трудно было ускользнуть из них даже тем, кто не ходил в церковь на исповедь. Исповедные ведомости давали полные списки всех православных обитателей каждого дворового владения, попутно отмечая и иноверцев, владевших православными крепостными. Составление их приурочивалось к великому посту — марту-апрелю, а сдавались ведомости в консисторию в начале нового церковного года — в сентябре. Поэтому не попасть в них мог только тот, кто весной не жил в данном приходе или считался временно приехавшим на краткую побывку без своего квартирного обозначения. Итак, можно допустить, что действительно Пушкины остановились в доме Щербатовых, имея дочь Ольгу, родившуюся в 1798 г. в Петербурге, но следует отрицать рождение здесь сына Александра, тем более, что существуют документальные указания по иным направлениям.

Ошибка престарелого автора вполне понятна, так как он не был в Москве, а находился в походе. Но заметим и подчеркнем, что в конце 1799 г., по возвращении в Москву, автор уже не застал никого из Пушкиных.

Третье предположение. В 1853 г. в «Отечественных записках» за ноябрь, отд. 2, стр. 11, в статье П. Бартенева: «Род и детство Пушкина» сообщены другие сведения:

«В 1799 г. Пушкины жили не в Немецкой слободе, как сказано у Александра Юрьевича (Пушкина), а на Молчановке. После Пушкины, действительно, квартировали

¹) Разыскания Н. П. Чулкова.

²) Анненков приводит в книге: „Пушкин в Александр. эпоху“ примеры служебной нерасторопности Сергея Львовича. — Как известно, в 1798 г. Павел I уже мобилизовал армию и флот против французской республики.

около Немецкой слободы, подле Яузского моста, как пишет и г. Макаров, но сам поэт, живший в 1826/27 г. на Собачьей площадке в теперешнем доме Левенталя (во флигеле к переулку), часто проезжая по Молчановке, говаривал приятелям, что он родился на этой улице, но дома уже не мог указать).

Предположение это, основанное, повидимому, на рассказе С. А. Соболевского, у которого останавливался Пушкин, также абсолютно неверно и опровергается позднейшими документальными открытиями. К сожалению, это утверждение повторил и первый собиратель материалов по биографии А. С. Пушкина П. В. Анненков¹⁾.

А между тем, как легко было бы избежать этой ошибки, хотя бы поискав метрическую выпись поэта в архиве Царско-сельского лицея.

Четвертое предположение. До конца 1870-х годов раздавались также голоса, что А. С. Пушкин мог родиться под Москвой в сельце Захарово, принадлежавшем Марии Алексеевне Ганнибал, бабушке поэта. Передавая такую догадку, исследователь Н. П. Бочаров в статье своей под названием «Дом, где родился А. С. Пушкин», опубликованной в 1911 г. в № 263 газеты «Русское слово» от 15 ноября, называет его чистейшим вымыслом. И, действительно, добавим от себя: именице Захарово было куплено бабушкой гораздо позднее — в 1807 году. В оправдание же людям 1870-х годов следует сказать, что, готовясь тогда к торжествам по постановке памятника Пушкину на Страстной площади и не находя записи о его рождении в церквах, ближайших к Молчановке, они строили гипотезу, что поэт родился в Москве на Молчановке, но был вывезен в имение, где и был крещен под домашним кровом, а записи в сельской церкви утрачены.

Пятое предположение. В 1879 г. в июньской книжке «Русской старины» была опубликована за подписью К. П. П. сжатая биография поэта, охватывавшая все известные к тому времени материалы. Здесь указывалось в подстрочном примечании, что студент Московской духовной семинарии Сергей Федорович Цветков сообщил, что в московской богоявленской, что в Елохове, церкви за 1799 г. имеется следующая запись:

«Мая 27. Во дворе коллежского регистратора ивана васильевича шварцова у жи(ль)ца ево Мозора сергия лвовича пушкина родился сын Александр крещен июня 8 дня восприемник Граф артемий иванович воронцов кума мать означеннаго сергия пушкина олга васильевна пушкина».

¹⁾ А. С. Пушкин Материалы для его биографии, изд 1855 г. стр. 1.

Не проверяя записи ни в подлинной книге, ни в копии — в архиве Московской духовной консистории, автор сенсационной статьи добавлял: «дом (вероятно Шварца), по свидетельству старожилов, находился на углу Немецкой ул. и Аптекарского пер., где ныне дома Щапова и Макарова».

Сведения это было с радостью подхвачено всей прессой, указывавшей, что необходимо разыскать и отметить дом Шварцова. Известный москвовед того времени городской архитектор А. А. Мартынов обратился к печатному «Указателю г. Москвы 1793 г.» и обнаружил, что, действительно в Демидовском переулке имелся под № 233 двор иноземца Фаддея Шварца.

Допуская даже, что через 6 лет наследником Фаддея Шварца мог быть обрусевший Ив. Вас. Шварцов, Мартынов пожелал своими глазами взглянуть на запись в метриках духовной консистории и здесь обнаружил несомненную ошибку в чтении фамилии, в которую впал неопытный в старых почерках семинарист С. Ф. Цветков. Дело в том, что записи делались рукою 67-летнего старика дьячка Сергия Александрова, почерком аянинской и елизаветинской эпохи, когда буквы «с» и «к» писались без точек вверху, поэтому обе буквы, поставленные рядом, могли показаться за три штриха, образующие одну букву «ш».

К тому же на беду, следуя московскому «акающему» выговору, дьячок допустил и грамматическую ошибку — «Скварцов» вместо «Скворцов». В итоге была прочтена фантастическая фамилия «Шварцов».

После этого Мартынов перешел от метрической книги к исповедным ведомостям, веденным по дворовым владениям и содержавшим своего рода подушные списки прихожан. Расположение владений в этих ведомостях было не в порядке топографической последовательности по улицам или по полицейским или окладным номерам, а по социальному признаку — по знатности и по зажиточности прихожан-домовладельцев, вследствие чего церковная нумерация дворовых владений часто изменялась. В исповедной ведомости 1799 г. не оказалось дворового владения Скворцова, но сам Иван Вас. Скворцов с семейством был найден в списке по дворовому владению графини Екатерины Александровны Головкиной, где он значился в качестве «домоправителя ее».

Это открытие разрушило все прежние догадки, и А. А. Мартынов получил возможность выступить с собственными предположениями, что двор Головкиной и двор Скворцова совершенно тождественны, что в домашней или бывательской терминологии они не различались. Сперва он указал на дом против самой церкви богоявления, принадлежавший в начале XIX ст. Головкиным и Шуваловым

(это дом № 11 по Ехоловской ул., бывш. Поповой), и опубликовал об этом открытии перед Пушкинскими торжествами 18 мая 1880 г. в № 136 «Московских ведомостей». Так возникло шестое предположение. Однако, уже на следующий день ему пришлось опубликовать существенную поправку: против церкви находилось владение сына Головкиной — Алексея Гавриловича Головкина, а двор Е. А. Головкиной по указателю 1793 г. был найден на Немецкой улице под № 32 в 1803 г. (ныне он под № 27).

Так возникло седьмое предположение, роковое во всех последующих поисках.

Большой авторитет А. А. Мартынова, как популяризатора истории старой Москвы, спасал Московское городское управление от нареканий за неумение во-время разыскать исторический дом, на котором надлежало укрепить памятную мраморную доску о рождении великого гражданина. Во многих городах уже были найдены дома, где кратковременно останавливался Пушкин; в Москве разыскивали дом, где жила когда-то упомянутая Пушкиным цыганка Татьяна Демьяновна. На Собачьей площадке Мантейфель нашел дом, бывший Ренкевичевой, занятый кабаком, и призывал («Московские ведомости, 1880 г. 19 мая, № 137) очистить этот дом, так как в нем жил некогда у Соболевского великий поэт. В такой повышенной атмосфере ожиданий городская управа, доверившись Мартынову, и в отсутствие городского головы С. М. Третьякова, наспех приказала прикрепить памятную доску на длинном двухэтажном доме по Немецкой ул. под № 27 купцов Ключиных, а некогда Головкиной. Постановления городской думы о выборе именно этого дома не было. В университетских и юридических кругах выбор был встречен недоумением: подозревали даже интригу в целях навязать городу обширное владение № 27 по возможно более дорогой цене. Прибывшие в Москву четверо детей поэта не могли дать никаких указаний.

Мартынов, изыскивая оправдание для своей находки, предлагал свое крайне вычурное объяснение, будто бы — «в старинное время вельможи русские не имели обыкновения лично заниматься делами, считая унижительным отдавать прямо от себя внаймы свои палаты, и доверяли это людям мелким, вроде колл. регистрат. Скворцова; вероятно и гр. Головкина выдала полную доверенность своему домоуправителю, следовательно, этот дворецкий был в некоторых случаях такой же хозяин, как и сам домовладелец, и мог свободно называть квартирантов своими жильцами».

Почтенный собиратель и издатель памятников русского искусства, но заурядный дилетант в архивных изысканиях А. А. Мартынов, вместо углубления в поиски, построил ряд гипотез и натяжек против истории, быта и терминологии,

которые и опубликовал отдельной брошюрой под названием «Место рождения А. С. Пушкина по разысканиям А. А. Мартьянова» (изд. 1880 г., 6 стр. с планом дома Головкиной).

Через 3—4 месяца по открытии памятника Пушкину было опубликовано восьмое предположение, автором которого был А. Колосовский, бывший мировой судья и член городской управы («Московские ведомости», 1880 г. № 252). Ему, вместе с согрудником московских газет Н. П. Бочаровым, посчастливилось найти в губернском архиве дело управы благочиния № 267761 по прошению тит. советника И. В. Скворцова о разрешении произвести постройки; к прошению была приложена купчая, совершенная 15 июля 1799 г. в юстицком департаменте, о продаже от английского купца Якова Яковлевича Рованда на имя И. В. Скворцова двора его со всяким в нем каменным и деревянным строением в Басманной части 3-м квартале, в приходе Богоявления, за 3000 рублей.

В прошении, поданном в сентябре 1799 г., Скворцов просил разрешить ему в собственном дворе под № 288, купленном от Рованда, в приходе Богоявления, «исправить починкой разные старые строения и все кровли перекрыть тесом».

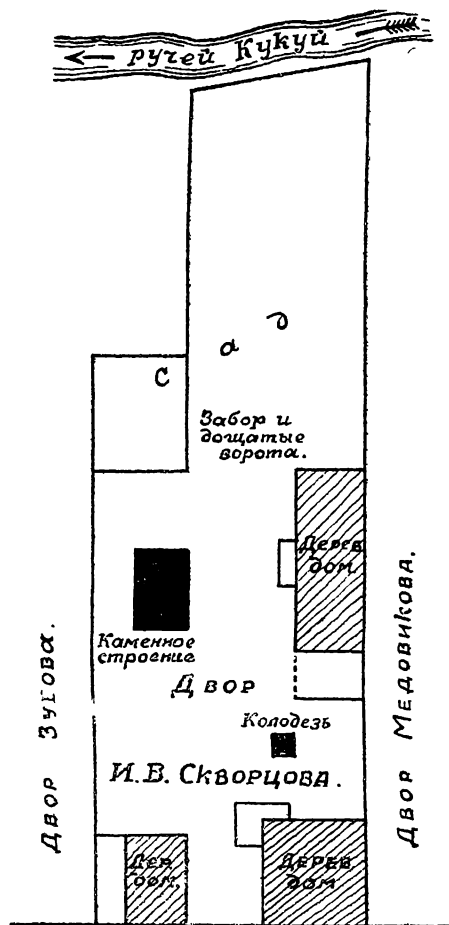
На приложенном плане двора № 288 были означены смежные дворы: Зубова, Кубова и Медовикова.

Не найдя планов того времени, Колосовский по неясным догадкам сперва было высказал, что «бывшее владение Скворцова в 1820 г. было разделено на 3 участка и принадлежит в настоящее время 3 владельцам: Раззориной, Масловой и Клейнбергер, и что находится оно на углу Лефортовского переулка и Немецкой ул., занимая по этой улице 4 $\frac{1}{2}$ сажени (в 1927 г. здесь дома №№ 12, 14 и 16, а по нумерации 1880 г. №№ 14, 16 и 18). Однако, через 10 дней А. Колосовский отказался от этого утверждения и дал новые указания на смежное владение мещанина Анакина, что теперь на Бауманской (б. Немецкой) улице¹⁾.

¹⁾ „Моск. ведом.“ 1880 г., № 262 и статьи Колосовского, собранные в брошюре: „Где же родился А. С. Пушкин“, изд. В. Т. Москва 1899 г.

Еще один адрес Пушкиных в письме А. Я. Булгакова от 25 февраля 1837 г. к П. А. Вяземскому. Описывая, как он посетил старика отца поэта, жившего тогда отдельно в Москве в Милютинском пер. в доме Митькова, Булгаков говорит: „Сергея Львовича захватывают частые удушья, и он сделался очень глух; вспоминал, что мы жили некогда на одном дворе в Немецкой слободе, мы в нашем, а они в доме Нерововой (который ныне мой), что покойник Александр Сергеевич родился почти при мне и пр. С. Л. подарил мне портрет сына“.

По справкам Булгаков жил в Немецкой слободе юношей в 1798 г. во дворе вынешних владений № 12 и 14 по Вознесенской улице. Очевидно, соседство относилось ко времени до рождения поэта.

ул. Немецкая Слобода.

План двора Скворцова (по данным, опубликованным в книге
 „Москва и москвичи“ Н. П. Бочарова).

Двор Скворцова

Девятое и последнее предположение приковало всеобщее внимание к двору Ананьина (б. Скворцова). Топографическое положение этого двора впервые было установлено и доказано трудами А. Колосовского и особенно Н. П. Бочарова. Из этих разысканий Бочаров сделал любимую тему своей жизни¹⁾. Пользуясь планом, приложенным в 1799 г. к прошению о разрешении Скворцову ремонтных работ, и пересмотрев несколько тысяч архивных дел Московского губернского архива о постройках в 1799 и ближайших годах, Бочаров установил, чьи дворы и как именно были расположены в квартале между Немецкой и Елоховской улицами и Лефортовским и Плетешковским переулками, и обнаружил последовательную нумерацию домов по Немецкой улице: в 1793 г. она шла, начинаясь от угла Лефортовского переулка, в сторону к Елоховской улице с №№ 287 по 293; позднее нумерация изменилась в противоположном направлении, начиная от Елоховской, с №№ 370 по 377, затем еще раз с №№ 230 по 238. Дом Скворцова три раза менял свой номер по окладным книгам: № 288, потом № 374 и наконец № 235.

Обмер земли, показанный в 1815 г. в купчей Злобина от В. Ушакова (преемник Скворцова) вполне совпадает с планом Скворцова и владением Ананьиных: по Немецкой улице 14 саж., по левую (смежно с Зубовым) и правую сторону 42 саж., по задней меже 7 саж. Другого участка земли в таких очертаниях нельзя сыскать во всем приходе богоявления и, по моему, в этом заключается сильнейшее доказательство достоверного нахождения двора Рованта—Скворцова—Ушакова—Злобина—Щекиной—Ананьиных, именно под № 10 на нынешней Бауманской улице.

¹⁾ Основная работа Н. П. Бочарова: „Частные постройки в Москве и дом Скворцова, где родился А. С. Пушкин“ опубликована в „Известиях Московской городской думы“ 1880 г., вып. X; в ней содержатся тексты купчей и прошения и уменьшенная копия плана на двор Скворцова. Так как подлинники в делах строительного архива губернского инженера (б. городск. упр.) уже отсутствуют и архив Бочарова не разыскан, то это издание заменяет первоисточник. Статья эта переиздана в 1881 г. в сборнике Н. П. Бочарова „Москва и москвичи“, вып. I изд. 1881 г. Список владельцев двора: в 1771—1778 гг. Серг. Серг. Гагарин, затем Рованды отец и сын, в 1799—1804 гг. П. В. Скворцов, с 1804 г. Ушаков, 1815 г. Большой—Злобин, 1827 г. Щекина, с 1846 г. Ананьины, см. в „Извест. Моск. городск. думы“, 1881 г., вып. X., стр. 62. История розысков описана в статье: „Новые данные о месте рождения А. С. Пушкина“, в журнале „Вокруг света“ 1899 г. №№ 25—27 и в статье: „Дом где родился А. С. Пушкин“ в „Русском слове“ 1911 г., 15 ноября, № 233.

В 1924 г. председатель ученой комиссии «Старая Москва» П. Н. Миллер предпринял обследование изменений в нумерации домов в Лефортовской и Басманной частях на основании печатных указателей и планов, начиная с 1793 г., и пришел к тем же выводам. В 1926 г. Н. П. Чулков, обследовав тот же вопрос по так называемым «квартирным книгам» о сборе денег по воинскому постое, пришел к тому же выводу.

Мысль, что памятная доска о рождении поэта прикреплена не к соответствующему дому, а совершенно ошибочно, занимала Н. П. Бочарова и была энергично поддержана гласным городской думы Н. А. Шаминым, который 15 ноября 1911 г. внес предложение в городскую думу приобрести «владение, бывшее Скворцова, где родился наш великий согражданин, для просветительных и других общественных учреждений Москвы». Комиссия о пользах и нуждах общественных доложила городской думе: «Как известно, вопрос о месте рождения А. С. Пушкина до сего времени остается спорным. Комиссия не считает себя компетентной окончательно решать такого рода вопрос академического характера... Несмотря на убедительность аргументов, приведенных (Бочаровым) в подтверждение факта рождения А. С. Пушкина в доме бывш. Скворцова, Комиссия не вносит даже предложения о перенесении коммеморативной доски с дома Ключиных на дом Ананьина. Городской управе дано поручение 8 ноября 1911 г. исследовать вопрос о месте рождения великого поэта. По выяснении этого вопроса, требующего, быть может, сношений с компетентными специальными учреждениями (Общество любителей российской словесности, Академия Наук), городская управа в зависимости от окончательного результата исследования внесет, несомненно, и предложение о перенесении доски». Затем комиссия указывала, что за полмесяца ранее было решено купить на Елоховской площади владение Мухиных за 180.000 рублей (в котором теперь помещается Пушкинская библиотека), а потому покупка нового маломерного и неудобного владения Ананьина в полумерсте от Елоховской площади нецелесообразна. «Покупка дома, где родился писатель, представляется желательной и целесообразной лишь тогда, если этот дом сохранился в том виде, как он был во время рождения писателя, чего в данном случае признать нельзя, или если можно это владение использовать под какие-нибудь учреждения, связанные с именем чествуемого писателя¹⁾».

Городская дума подошла к вопросу, что называется, с купеческим аршином и отклонила как покупку дома Ананьиных, так и перенесение на него памятной доски. Лицемерная, чтобы не сказать резко, ссылка на спорность места рождения

¹⁾ Печатный оттиск доклада № 513 от 28 ноября 1911 г.

поэта имела другую, более узкую подоплеку — противодействие политике прогрессивного крыла городской думы расширять земельные владения городского хозяйства путем скупки частных владений. Отзывы научных учреждений, повидимому, не последовали; не успели по разным причинам заняться этим вопросом В. Я. Брюсов и В. В. Каллаш, профессор же И. М. Громогласов, запрошенный вместе с ними, дал заключение, что ни владение Клюгиных (б. Головкиной, № 27) в целом, ни в особенности надворный флигель в нем ни в каком случае не могли быть квартирой родителей поэта; толкование выражения «во дворе» вообще ошибочно, а догадка о замене имени домовладелицы именем ее управляющего совершенно произвольна. Не без основания можно возражать против помещения доски там, где она теперь. Нет никакого сомнения, что владение Анаьиных есть бывшее владение Скворцова¹⁾.

В первые же годы после империалистической и гражданской войны интерес к месту рождения поэта опять оживился. 18 апреля 1924 года комиссия в составе М. А. Цявловского, архитекторов Н. В. Бакланова и Н. Д. Виноградова, В. А. Никольского и заведующего музеем «Старой Москвы» П. Н. Миллера, ознакомившись с трудами Бочарова и Колосовского и осмотрев на Бауманской улице дома № 10, бывш. Скворцова и Анаьина, и № 27, бывш. Головкиной и Клюгиных, пришла к заключению, что «является невозможным дать категорическое определение, в котором из этих двух домов, и в них ли, родился А. С. Пушкин, и сказать этого нельзя до нового точного обследования материалов, касающихся указаний, где родился поэт».

Так как Октябрьская революция открыла недоступный прежде архив Московской духовной консистории (теперь он хранится у Китайской стены в бывш. церкви «Иоанна, что под вязом»), то в 1926 г. по инициативе П. Н. Миллера была задумана работа — просмотреть не только одну запись о рождении поэта 27 мая 1799 г., но и все вообще метрические и исповедные книги богоявленского храма и всей Лефортовской округи с конца XVIII столетия по 1811 г.

На основании знакомства с этими книгами представляется возможным уловить особенности языка той эпохи и понять содержание терминов. Не будем бросать легкомысленных обвинений старику-дьячку, искуснику и специалисту того времени по регистрации актов гражданского состояния. Не повторим, будто бы он перепутал дома и не разобрался, где проживали родители новорожденного; кто-кто, а уж духовенство того времени знало наперечет все дома, квартиры и жильцов своего прихода. Постараемся узнать и разобраться

¹⁾ Справка городско́й управы от 17 апреля 1915 г

в семейных отношениях жильцов, особенно в интересующих нас двух дворах Головкиной и Скворцова. Так как за правильностью записей наблюдал весь причт в целом, то такое событие, как новый дом в приходе, не могло укрыться от его внимания; согласимся, что профессиональный навык регистраторов предупреждал грубые ошибки в топографии домовладения, хотя и мог допускать погрешности в таких второстепенных подробностях, как звания и чины. Прежде всего, вспомним, что по крайней мере девять веков слово «двор» в наших летописях, переписных книгах, жалованных грамотах и в обиходе означало «постройки с землею под ними, в одной ограде», и что до сих пор это значение слова «двор» сохраняется в крестьянском быту. Только в городах с начала XIX столетия это слово начало приобретать в административном и строительном обиходе более узкий смысл: свободного пространства позади фасадного дома или рядом с ним. Появились новые юридические термины «владение», «участок с постройками», даже «план с домом» и т. п. В Скворцовской купчей было по старине сказано: «Рованд продал крепостной свой двор (т.-е. закрепленный по документам) со всяким в нем каменным и деревянным строением, состоящий на белой земле». Слово «двор» всегда означало целое, совокупность частей хозяйства (например, Пушечный двор, Аптекарский, Посольский двор), Мартынов же пытался толковать употребленное в метрической записи слово «двор» в том смысле, будто внутри незастроенного собственного двора Головкиной был еще собственный двор ее домоуправителя Скворцова. Нужно признать, что такое положение прежде всего юридически невозможно; затем записи церковников начинались всегда с указания того, в чем крепостном, именно крепостном, дворе, произошло событие, а далее пояснялось — у жильца ли, вольного человека, приезжего или барского дворового человека; в-третьих, церковники не имели интереса искажать правовые отношения. В-четвертых, домоуправитель, который попытался бы в старое время приписывать двор своего хозяина себе, был бы «за оное воровство бит батоги нещадно», а в павловские времена в этом усмотрели бы покушение на завладение двором по давности владения; в-пятых, совершенно произвольно утверждение Мартынова, будто бы «вельможи русские... считали унизительным отдавать прямо от себя в наймы свои палаты, а доверяли это людям мелким, вроде колл. регистрат. Скворцова... своего дворецкого». На самом же деле, таких жильцов в 1799 г. мы находим в самых знатных домах Лефортова, и даже по двору Головкиной в самом начале 1799 г. рукой того же дьячка записано: «живущий во дворе графини Головкиной купец 3-й гильдии Иван Яковлев сын Стрелков

понял за себя швейцарской нации девицу Осипову»; наконец, Скворцов вовсе не был мелким дворецким, а в 1799 г. носил чин титулярного советника; и имел своих крепостных дворовых людей; он подвигался в чинах, в 1806 г. был коллежским ассесором (подпись на плане 1806 г., см. брошюру Мартынова) и был сослуживцем Сергея Львовича Пушкина по Комиссариату, т.-е. по ведомству снабжения армии.

В-шестых, Скворцов принадлежал к самым видным прихожанам: церковные книги каждый месяц пестрят записями, что сам Скворцов или его малолетние дети были приемниками новорожденных у дворовых людей, принадлежавших Головкиной. Местожительство и приватная служба его у гр. Головкиной были известны притчу самым точным образом и, конечно, признать его квартиру (наверно бесплатную во дворе Головкиной) за «собственный двор Скворцова» притчу никак не мог.

В-седьмых, окончательно уничтожается домысел Мартынова, благодаря следующим записям, раскрывающим уголок семейного быта Пушкиных. В том же мае месяце, когда родился Александр Сергеевич, на соседней странице, почти рядом с записью о крещении его 8 июня, мы читаем в параллельной графе «об умерших» под № 58: «Умре по христианской должности маля 3 дня во дворе Графини Екатерины Александровны Головкиной у жильца ее коллежского ассесора Сергея Львовича Пушкина дворовый его человек Михайла Степанов, коему от роду 48 лет, погребен 5 дня на Семеновском кладбище».

А несколько ниже, под № 64, еще раз записано:

«Умре по христианской должности маля 5 дня во дворе Графини Екатерины Александровны Головкиной у жильца ее Коллежского ассесора Сергея Лвова Пушкина дворовый его Михаил Степанов, коему от роду 47 лет, погребен того же 6 дня на Семеновском кладбище».

Крайне интригующая двойная запись о смерти одного и того же Михайлы Степанова то 3, то 5 мая и погребении то 5, то 6 мая дает твердое основание полагать, что притч ходил в квартиру Пушкина соборовать или причащать умиравшего «по христианской должности» дворового, служившего при Пушкиных, и что Пушкины жили в то время во дворе Головкиной, как непосредственные ее жильцы. Вероятно, смерть дворового Степанова была при совершенно исключительных обстоятельствах, если дьячок дважды сделал запись о ней, указав разные даты: не было ли полицейских затруднений, приостановки погребения? Почему оказалось нужным дважды записать эту кончину?..

Продолжим осмотр; через 6 недель после рождения Александра Сергеевича, 8 июля, под № 96 записано:

«Во дворе графини Е. А. Головкиной у домоправителя ее титулярного советника Ивана Васильевича Скворцова родился сын Александр крещен того же июля 13 дня. Восприемник иностранный купец Осип Осипов Банкалер, кума гр. Елизавета Гавриловна Головкина».

Проходят еще 6 недель и 20 августа еще интересная запись:

«Дому колл. регистр. Ив. Вас. Скворцова у дворового его Петра Юдина родился сын Павел».

(Здесь «дом» употреблен не в смысле постройки, а в смысле крепостной зависимости у семьи Скворцовых).

Если теперь к этим документальным векам добавить бытовые и врачебно-санитарные соображения, то легко нарисовать себе майские и июньские события в семье молодых Пушкиных.

Отставной майор, а ныне гражданский чиновник, коллежский ассесор Сергей Пушкин не живет у своего единокровного брата бригадира Николая Львовича, имеющего квартиру в том же приходе в доме Соковина (и при ней 10 человек служителей, исповедн. ведом. 1799 г. под № 8), очевидно, потому, что избегает стеснять родственника. Вряд ли он хочет стеснять и своего сослуживца Скворцова, у которого жена с 5 малыми детьми и в ожидании шестого ребенка, да, сверх того, ходит беременная на седьмом месяце жена его дворового Петра Юдина. Трое новорожденных в одной квартире! не слишком ли много будет испытаний для молодой Надежды Осиповны? При такой обстановке самое простое дружество и благоразумие не могло допустить проживания в общей квартире со Скворцовыми. Постройки Головкиной были обширны и состояли из трех связанных между собой каменных зданий и одного деревянного общей площадью в 500 квадр. сажень (план 1803 г.) с деревянной домовою церковью; при Головкиной было 65 душ дворовых обоого пола, включая детей; в среднем, на каждого жильца приходилось 6—7 квадр. сажень. Надо полагать, что острой нужды жить уплотненно в квартире Скворцова не было, и что Пушкины занимали самостоятельное помещение так же, как и другой квартирант — женившийся в этом доме купец Стрелков.

По толкованию Мартынова следовало ожидать: коль скоро в собственной квартире Скворцова, что в Головкинском доме, родятся дети (родной его сын и дворовый мальчик), церковный причт сделает запись, начав со слов: «во дворе Скворцова и т. д.». Однако, книги показывают обратное: даже и в этом случае церковники, не впадая в искушение против законной собственности, записывают с юридической точностью: «во дворе графини Головкиной и т. д.». На этих

сравнениях становится ясно, как строго различали они двор Головкиной от двора Скворцова.

По семейным преданиям Пушкиных известно, что Надежда Осиповна не раз видела галлюцинации: то на прогулке с мужем днем по Тверскому бульвару ее преследовало привидение в белом балахоне (через год по рождении старшего сына), то такое же привидение навещало ее в пустой комнате усадьбы, то она видела за чайным столом двойника своего мужа, или ей чудились во сне похороны привидения¹⁾. При такой нервной возбужденности «прекрасной креолки» и под гнетом тяжелой картины смерти и похорон своего слуги, вследствие какого-либо трагического события или от злокачественной болезни, оба супруга, мнительные и мистически настроенные, охраняя душевный покой беременной, естественно, спешили удалиться из квартиры, где витала смерть и унесла свою жертву, где «стол был яств, там гроб стоит».

Уйти же было нетрудно. Все тот же благоприятель и сослуживец, И. В. Скворцов приходит на помощь²⁾. Он недавно приобрел на той же Большой улице, в 200 сажнях от Головкинского двора, собственный дворик, с тремя старыми деревянными домиками, и Пушкины спешат воспользоваться открывшейся им возможностью спешно перейти в один из этих домиков. А там, через 3 недели, рождение их сына, и церковники регистрируют его совершенно точно по новому адресу родителей.

Обычно задают вопрос: почему причт, записывая об обряде крещения 8 июня, уже знал, что двор принадлежит не Ровадду, а Скворцову, хотя крепостная купчая совершена в юстицком департаменте в присутствии 11 свидетелей только спустя 5 недель — 15 июля? Если справиться по законам павловского времени, то легко понять, как это произошло. Дело в том, что тогда широко практиковалась предварительная запродажа недвижимостей по домашним условиям, с выдачей задатка и оговоркой, что по уплате всех денег сполна продавец обязан совершить крепостную купчую уже в правительственном учреждении. Волокита была так велика, что, сдав документы, стороны не 5 недель, а иногда по несколько месяцев ожидали, пока проверят их и совершат купчую; и в данном случае необычайно большое число свидетелей при совершении купчей, несомненно, указывает, что купчая долго готовилась, а между тем

1) Павлицев. Воспоминания, стр. 35—38.

2) И Пушкин и Скворцов служили в московском комиссариате (т.-е. по снабжению армии), занимая должности, о которых узнаем из официальных подписей их на документах: „комиссионер 7-го класса“, что на языке того времени означало „уполномоченный, состоящий в чине седьмого класса“.

Скворцов мог уже вступить в фактическое владение двором и сдавать в наем квартиры¹⁾.

Очевидно, колы скоро состоялась купчая крепость, домашняя запродажная была уничтожена и потому только не дошла до нашего времени.

Теперь остается вопрос, была ли объективная возможность Пушкиным занять квартиру, и какую именно, в собственном скворцовском дворе.

На плане 1799 г., как он воспроизведен у Бочарова, здесь значатся с улицы два деревянных дома, размерами один — примерно 18×18 аршин и другой 15 9 аршин с сенями. Затем вдоль левой и правой межи стоят: налево — нежилая каменная постройка, а направо деревянная с сенями и, по мнению Колосовского, с садиком (или цветником? Л. В.); еще дальше, вглубь двора по скату идет сад размерами 7×15 сажен, заканчивающийся у ручья, известного в истории Немецкой слободы под именем Кужуй²⁾ Со двора Скворцова едва ли представлялся когда-нибудь красивый вид на Москву, и наверно, владение принадлежало к числу сильно запущенных, каково оно и теперь.

По исповедным книгам видно, что в 1797 г. здесь жил «у иностранного купца Фомы Яковлевича Рованта во служении приказчик его и москвовский купец И. В. Башеров с женою и 6 детьми»; у них были жильцы: подполковника Александра Григорьева Пузина служители 7 человек; таким образом, разбивка жильцов была как будто на 2 домохозяйства. Весной 1798 г. уже нет упоминания о полковнике Пузине, а говорится, что «у маеора Крестьяна Крестьянова» (т.-е. Христиана Христиановича) также-то трое крепостных, затем живет вдова приказчика Башерова и, в-третьих, шестеро женщин (солдатские жены и служительницы). Здесь уже три отдельные группы, что отвечает и трем домам на плане. Английский купец Ровант был членом торгового дома «Томус и Ровант», занимавшегося, кажется, экспортом

¹⁾ „В прежнее время по словам К Победоносцева (Курс гражданск-права, ч 3, стр 326, изд. 1896 г.), было в обычае, под видом запродажных условий, совершать действительную передачу имений, и в самых условиях представлялось покупщику право вступить во владение прежде совершения купчей Условия сего рода не считались незаконными, . . . только в 1826 г было решительно запрещено вступать во владение имением по запродажной записи, до совершения купчей, однако, нарушение этого правила продолжались.

²⁾ Ручей этот, приток Чечоры, отмечен забавными замечаниями в путешествии Олсария, как граница Немецкой слободы, и служил посмешищем у всешутейшей компании Петра I

Ручей Кужуй вытекал из двух прудов, расположенных близ Девкина переулкa, на месте нынешних бань, по временам он разливался, на одном плане 1796 г. через него показан на Елховской улице мост. Слово „Кужуй“, сохранившееся в Великом Новгороде, Сергиевом посаде и в Орловской губ, означает овраг, заросший лозой. Теперь ручей заключен в подземную трубу, и овраг обратился в пологую низину

льна, пеньки и кож, и Бочаров правильно умозаключает, что каменная постройка была нужна купцам не для жилья, а именно для хранения товаров. Так как приказчика Башарова не стало в живых ранее 1798 г., то надо полагать, что у англичанина решение продать этот двор сложилось тогда же, по смерти ведавшего им приказчика, а покупатель Скворцов мог фактически владеть домом по запродажной и с 1798 г.

В 1799 г. двор Рованта совсем выпадает из исповедных книг и появляется, под именем «двора колл. асс. И. В. Скворцова», только в 1802 г. (под № 54) с показанием одного жильца — иностранца Дельсаль с прислужгой. Это выпадение двора из исповедных списков на целых 3 года может объясняться тем, что дома капитально чинились (как видно из прошения Скворцова), что в домах после ремонта поселились иностранцы (вспомним, что Скворцов взял в крестные отцы своего сына в июле 1799 г. иностранного купца О. О. Банкалера¹). Во всяком случае, хотя и немного народа, но кто-то во дворе жил, ибо в марте 1800 г. в дворе Скворцова, как видно из метрик, умерла дворовая генер. Исаковой. Нет только семьи Пушкиных.

Прожив недолго в случайно приютившем их ветхом доме, они к сентябрю, когда Скворцов стал ходатайствовать о разрешении починить дома и поставить тесовые крыши, выбрались из двора Скворцова с тем, чтобы более никогда не возвращаться сюда, и направились в Псковскую губернию к тестю, отставному генерал-поручику Осипу Абрамовичу Ганнибалту.

Мне кажется праздной задачей доискиваться, в котором именно из трех домиков родился поэт, так как для этого нет никаких данных. Бочаров полагал, что Пушкины, как «помещики средней руки, имевшие и хорошее знакомство в Москве, занимали именно тот флигель, который на плане больше», т. е. правый при входе в ворота.

Колосовский, напротив, полагал, что Пушкины жили в доме, что во дворе направо с палисадником, но не настаивал на этом, за неимением доказательств²).

1) Жильцы Дельсаль показаны по двору Скворцова до 1804 г. Около этого времени Скворцов перепродает этот двор и покупает еще более обширное владение под № 218 площадью в 1035 кв. саж. на углу Капиловской (ныне Почтовой № 4) и переулка к Госпитальному мосту №№ 1 и 3). Здесь имелись два деревянных дома, и в одном из них жили родители И. В. Скворцова с несколькими дворовыми.—В Строит.-архиве губерн. инженера (б. городск. управы) имеется план нового владения, составленный в 1804 г. и скрепленный подписью Скворцова.

2) Известия городск. думы 1881 г. XXII выпуск. По-моему, так как Пушкины не собирались здесь долго жить и принимать гостей, то они менее всего нуждались в большом доме. Очень соблазнительна мысль допустить, что отмеченный здесь в 1798 г. майор Христиан Христианович (фамилия, к сожалению, остается неизвестной), уходя в лагерь или в поход, предоставил свою квартиру на летнее время отставному майору Пушкину, как это водилось в то время среди военных; однако, и это нельзя выставить сколько-нибудь простой гипотезы.

В этом месте существует и до настоящего времени вросшая в землю, каменная постройка сарайного типа и без следов окон; по заключению архитектора Н. Д. Виноградова, она старше 1812 г. и, следовательно, могла быть поставлена из кирпича, добытого из разобранной нежилой постройки, существовавшей подле левой межи, ближе к домовладению № 12. От прочих построек не уцелело ничего.

Итак, по роковому заблуждению напрасно мрамор украсил фасад Головкинского дома. Если бы и оставить его, то никакой другой надписи нельзя было допустить, как только: «Здесь умре по христианской должности Михайла Степанов, дворовый майора Пушкина».

Увековечение места рождения поэта

В настоящее время двор б. Скворцова принадлежит жилищному товариществу; он застроен с улицы двухэтажным каменным домом, флигелем во дворе, старыми сараями, помойными ямами и частью отведен под деревяной склад; садик в глубине двора разгорожен, так что открылся проход в соседние владения № 8 по Бауманской ул. и № 7 по Плетешковскому пер.; в ближайшем будущем дворику грозит полное обезличение под какой-нибудь банальной постройкой¹⁾.

Не будем стыдиться того, что солнце нашей поэзии возшло не в стенах графского особняка, а в стареньком домике с проваливавшейся крышей. В мировой истории не в первый раз постоянный двор становится колыбелью великих людей²⁾.

Своевременно и этически необходимо именно теперь предпринять кампанию среди научных и просветительных организаций Москвы, с привлечением и Пушкинского Дома при Академии Наук, в целях добиться возможного лучшего увековечения этого заповедника имени Пушкина. Если, ро-

¹⁾ В этом отношении он напоминает собой судьбу домика Шекспира в Стратфорде, которым и хотелось бы сопоставить его. По смерти Шекспира, спустя полтора века, владельцем знаменитого дома оказался один богатый, но необразованный и грубый человек, тяготившийся посещениями людей, приезжавших издалека поклониться тому дорогому месту, в котором жил и умер Шекспир; желая избавиться от докучных посетителей, он приказал срубить любимое шелковичное дерево Шекспира и продал его на дрова. Земляки поэта, ослепленные этим вандализмом, выбили окна в доме варвара и не давали ему прохода на улице; тогда в 1757 г. он покинул ненавистный городок и в отомщение его жителям распорядился своей собственностью, как Героетрат, приказав срыть дом Шекспира до основания. но в прошлом столетии Шекспировское общество реконструировало этот дом в духе XVII в.

²⁾ Гоголь также родился в бедной мазанке в усадьбе доктора Трахимовского, куда его мать приехала за врачебной помощью. Г и л я р о в с к и й В. А. — На родине Гоголя, 1902 г.

дильный дом, детский сад, общественный парк или музейный дворик, но что-то должно украсить для потомства этот дорогой и показательный для нашей культуры уголок.

День рождения и крестины

Метрическая запись о рождении указывает, что Александр Сергеевич родился 27 мая 1799 г., т.-е. в пятницу, на следующий день после праздника вознесенья, но сам поэт считал днем своего рождения четверг, 26 мая. Это различие автор статьи в «Русской старине» К. П. П. объяснял тем, что рождение могло быть в самый праздник вознесенья, но первая молитва была дана утром 27 мая.

Утверждают также, что в старину церковники, следуя библейскому обычаю, считали начало новых суток с заката солнца, а не с полуночи, и потому рождение в майский вечер 26 числа, в промежуток от 9 до 12 часов ночи, могло быть посчитано ими по 27-му числу мая, родителям же — по общепринятому счету — 26 мая¹⁾. Отец поэта называет в биографической заметке о сыне днем его рождения — 26 мая («Огонек», 1927 г. № 7). С другой стороны, нельзя упускать из виду и суеверного обычая эпохи всячески приурочивать день рождения к особо счастливым праздничным датам, и того, что позднее названный родными день вознесения действительно особо чтился в роду Пушкиных: это — храмовой праздник предков поэта, живших у вознесения в Варсонофьевском переулке. 26 мая в XVIII столетии соответствовало по новому стилю 6 июня.

В этом году день 26 мая был исключительно праздничным. Целый день гудели колокола и по случаю вознесения и потому, что торжественно праздновалось извещение о рождении у императора Павла внучки Марии. Для этого торжества из Сергиевой лавры в Москву прибыл давно не выезжавший митрополит Платон («Москов. ведом.», 1799 г. № 43 от субботы 28 мая, стр. 964). Гудел Иван великий, и толпы кричали ура, и никто не предвидел, как может измениться со временем внутренний смысл этой даты, которую миллионы грамотных станут чтить, как день общественного признания гениального человека. Новорожденному было дано имя вероятно в честь его прадеда Александра Петровича²⁾.

¹⁾ „Евреи считали день от одного захода солнца до другого (Левит, XXIII, 32), и церковь сохранила этот обычай“. (Аббат Вигуру. Руководство к чтению и изучению библии, перевод Воронцова, т. I, М., 1916 г., стр. 225).

Днем своего рождения и именно 26 мая—поэт поместил написанные в 1828 г. стихи: „Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана“.

²⁾ В роду у Пушкиных было принято называть новорожденных именами предков с отцовской или с материнской стороны; этому обычаю следовал и сам поэт в отношении своих детей.

Поэт считал себя именинником 2 июня. Крестины состоялись в среду 8, т. е. на 12-й день. Учитывая этот срок, летнее время и обычаи той эпохи, нужно предположить, что обряд состоялся не на дому, а в самой церкви богоявления, старой постройке, оконченной в 1731 г. и отчасти уцелевшей в позднейшем сооружении. Кто из двух священников крестил — Федор Иоаннов или Федор Степанов — из метрик не видно, но первый из них был глубокий старик, 83 лет, и, вероятно, требу исполнял последний. Восприемником был показан один из виднейших москвичей того времени, действительный тайный советник, владделец домов на Рождественке, граф Артемий Иванович Воронцов. Это дальний родственник по материнской линии — муж троюродной сестры Марии Алексеевны Ганнибал и отец подруги Пушкиной графини А. А. Бутурлиной. Но мы предполагаем, что он записан заглазно, так как еще в январе 1799 г. в «Московских ведомостях» публиковалось об отъезде его в Петербург, а сведений о возвращении в Москву мы не нашли.

С отцовской стороны восприемницей была бабушка новорожденного Ольга Васильевна Пушкина, урожденная Чичерина, 62-летняя старуха, приехавшая из своего дома, что в Огородной слободе.

Вероятно, выезд ее состоялся со всею напыщенностью века — в старинном рыдване и с суетливыми лакеями на запятках, над которыми так посмеивался впоследствии в своих записках о Пушкине М. А. Корф; допускаю это потому, что единственный летописец события дьячок Александров, переписывая через 3 месяца копию метрической книги для консистории и вспоминая подробности крестин, прибавил от себя в этой копии после слова «вдова» — «Графиня».

Весьма примечательно, что через месяц у нашего Скворцова крестили сына также именем Александр, и ровно через год, 8 июня, у Анны Артемьевны Бутурлиной, подруги Пушкиной, новорожденный сын назван тем же именем — Александр¹⁾.

1800 год в Петербурге

К осени 1799 г., когда в доме Скворцова застучали топоры, Пушкины выехали из Москвы, взяв с собой детей; на это указывают и воспоминания двоюродного дяди поэта

¹⁾ Итак, ближайшим сверстником и тезкой поэта сделался Александр Иван. Скворцов; случайно стала нам известна судьба последнего: на Лазаревом кладбище есть памятник с надписью „Александр Иванович Скворцов, отставной поручик по квартирмейстерской части, умер 22 мая 1827 г. на 28-м году“. (Москов. Некрополь. том 3, стр. 108). Учился он в известной школе для Колонновожатых, основанной в Москве Муравьевым, и кончил ее в 1819 г. (Список в книге Кропотова „Жизнь М. Н. Муравьева“, изд. 1874 г. стр. 408 г.).

и полное отсутствие упоминаний о них в церковных книгах всех храмов Лефортова, Басманной и Яузской части вплоть до 1802 г. — По обычаю века, приписанный к гражданской службе, Сергей Львович едва ли фактически нес ее и едва ли был связан в своих отлучках. Посетив в Псковской губернии своего тестя Осипа Абрамовича Ганнибала, Пушкин, вероятно, побывал потом в 1800 г. и в Петербурге, так как иначе нельзя себе объяснить, при каких обстоятельствах могла состояться встреча ребенка Пушкина с Павлом I и курьезный конфликт из-за неснятого нянькой картуза. Считать это анекдотом, как думает Анненков¹⁾, нельзя уже потому, что сам поэт в одном из писем к своей жене упоминает, что имел столкновения с тремя императорами, и, следовательно, имел где-то столкновение с Павлом I.

Поездка в Петербург тем более правдоподобна, что теща Мария Алексеевна Ганнибал продолжала жить там, имея свой домик в Преображенском полку, где проживал и зять после своей женитьбы («Москвитянин», 1852 г. № 24, стр. 23).

Поэт начинает свою программу записок для автобиографии со слов: «Бабушка и (неразборчиво: и? ее?) мать — их бедность. Иван Абрамович. Свадьба отца. Смерть Екатерины. Рождение Ольги. Отец выходит в отставку. Едет в Москву. Рождение мое. Первые впечатления. Юсупов сад. Землеграшение. Няня».

Жестокие два слова: «их бедность»! Не служат ли они объяснением натянутых отношений между Сергеем Львовичем и матерью Ольгой Васильевной, вдовой гордого и богатого полковника, благоприобретавшего имения в Лукояновском уезде и дворы в Москве? Женитьба на бесприданнице, дочери «сумнительного арапа» с репутацией двоеженца, а затем выход сына из гвардии, не могли не казаться гордой старухе неравным браком и легкомыслием, и не они ли охладили отношения ее ко второму сыну почти до такой же степени, как к пасынкам Николаю и Петру.

На Чистом пруду и в доме Юсупова

Во всяком случае, в 1801 г. Сергей Львович вновь появляется в Москве и при том уже не на окраине, а неподалеку от матери, в Огородной слободе, в небольшом доме (площадь 35 квадр. саж.) подпоручика Волкова, что на углу Чистого пруда и Большой Хомутовки, там, где теперь раскидывается старый особняк под № 7 по Чистым прудам и № 2 по Б. Харитоньевскому пер. При нем дворовые: Николай Павлов 50 лет с женой, Авдей Родионов 17 лет, Федот

¹⁾ Пушкин в александровскую эпоху, 1874 г., стр. 28.

Ефимов 40 лет и девицы Прасковья Федорова 13 лет и Авдотья Андреянова 18 лет; кормилицы в семье Пушкиных как будто нет. — В этом доме у Пушкиных родился 26 марта 1801 г. второй сын Николай.

Теща майора Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал 60 лет также притащилась в Москву, покинув Петербург вслед за своей единственной дочерью и внуками. При ней сестра девица Катерина 56 лет и шестеро дворовых; уже весной того же 1801 г. они значатся по дому Силина в приходе Харитония в Огородниках. Самоотверженная и подвижная много горя старушка, сама урожденная Пушкина и даже троюродная сестра своего зятя, всей душой отдается заботам о дятях своей дочери; не увлекалась столичной жизнью и не чванясь званием генеральши, которое могло ей принадлежать по чину мужа, она продолжает именоваться по старому паспорту капитаншей; свою фамилию она подписывает: «Ганнибалова», в просторечьи же ее зовут: «Ганнибальша».

В следующем году находим Сергея Львовича уже в соседнем приходе трех святителей, что у Красных ворот; там 3 февраля 1802 г. «в доме его сиятельства князя Николая Борисовича Юсупова жительство имеющего Господина колл. ассесора Сергея Львовича Пушкина у служителя Василия Михайлова родился сын Сергей».

Той же весной 1802 г. в числе бывших у исповеди значатся из двора Юсупова Сергей Львович и Надежда Иосифовна Пушкины. При них показаны дети Ольга 4 лет, Александр 3 лет и Николай 1 года и дворовая их девица Клеопатра Иванова 30 лет.

Ценная для пушкинианы запись, показывающая, как и в каких пор повелось знакомство Пушкиных с Юсуповым. Двор Юсупова был расположен под № 17 по Козловскому пер. (известному позднее под именем Большой Хомутовки, а затем Б. Харитоньевского переулка). Обширное владение было застроено, кроме старинного двухэтажного дома, деревянными флигелями, два из них располагались вдоль по улице там, где теперь за узорной железной оградой зеленый газон. Визави этого владения стоял трехэтажный дом (ныне так называемый «Рабочий Дом» № 22 по Б. Харитоньевскому переулку), с большим раскинувшимся подле него садом или даже парком. При историко-экономических разысканиях К. В. Сивкова удалось установить, что Пушкины жили в «среднем желтом доме» (деревянном особняке, стоявшем параллельно каменным хорам Юсупова на нынешнем круглом дворе) и, внося в ноябре 1801 г. вперед за полгода 500 рублей, оплатили вторую половину лишь 24 ноября 1802 г.; с такой же рассрочкой оплатили и второй год найма по 24/XI, 1803 г. (Московское древлехранилище. Дела Моск.

Канц. Юсуп. архива, книги о приходе и расходе, в разделе разных сборов). По двору Юсупова числятся 104 человека дворни, там же один мелкий чиновник, один мещанин и жена портного и отдельной группой семья Пушкиных.

Само собою очевидно, что Юсупов мало нуждался в сдаче в наймы флигелей своего двора, и если сюда был допущен кто-то из посторонних, то уж наверно человек особо нужный и полезный для Юсупова. Что же могло сблизить небогатого коллежского ассесора и одного из первых богачей Москвы, управляющего императорскими театрами и организатора придворных развлечений во время коронации 1801 г. князя Николая Борисовича Юсупова?

По словам Бартенева и Анненкова, Сергей Львович «в высокой степени владел сценическим искусством и вместе с братом Василием игрывал на домашних представлениях» («Отечественные записки», 1853 г., ноябрь, отд. 2, стр. 11). Лучше его никто не умел организовать любительских спектаклей, декламировать Мольера и вносить оживление в общество, а это и было именно то, чего уже не хватало старому вельможе и записному театралу, владевшему труппой актеров и собственным театром на Хомутовке. На служении Мельпомене и Терпсихоре могли сойтись оба тонких любителя литературы и искусства, оба поклонника французской комедии и нашего Фонвизина¹⁾. Можно думать, по техническим соображениям, что театр Юсупова помещался в двухсветной зале старого дома XVIII в.; в таком случае квартиру Пушкина надо искать совсем рядом с Юсуповским театром. Пушкины прожили в Юсуповском дворе до середины 1803 г., судя по тому, что здесь записаны были у исповеди шестеро их дворовых: Иван Федоров 20 лет, вдова Ульяна Яковлева 35 лет, Николай Матвеев, Никита Тимофеев 26 л. (известный впоследствии дядька поэта) и две женщины.

Во дворе Санти .

В октябре того же 1803 г. Пушкины упоминаются снова в приходе Харитония во дворе графа П. Л. Санти (по поводу смерти ребенка у одного из их служителей).

Благодаря разысканиям Н. П. Чулкова, имеется возможность точно определить место «Сантиева двора»; теперь мы

¹⁾ Юсупов очень знал Фонвизина, который несколько времени жил с ним в одном доме. Фонвизин был второй Бомарше в разговоре". Сам Н. В. Юсупов рассказывал А. С. Пушкину в декабре 1830 г., далеко не салонные анекдоты о Фонвизине, (См. письмо А. С. П. Вяземскому в янв. 1831 г.). После женитьбы поэта, Н. В. Юсупов был на балу у новобрачных 27 февраля 1831 г. в их квартире на Арбате в доме Хитрово (теперь под № 53; письмо А. Я. Булгакова в „Русском архиве“, 1902 г. кн. 1, стр. 56).

знаем, что на этом дворе новый дом по Б. Харитоньевскому пер. под № 8, где помещается лечебница, а также и постройки под № 2 по Мыльникову переулку. Переезд из Юсуповского двора в другой двор в том же переулке следует сопоставить с тем, что 24 января¹⁾ 1802 г. умерла 67 лет от роду крепко державшая в руках своих сыновей полковница Ольга Васильевна Пушкина, и сыновья ее получили возможность шире развернуть свои привычки к независимой жизни. Теща Мария Алексеевна Ганнибал ближе вопшла в жизнь беззаботного зятя и дочери, приняла на себя хлопоты о внуках и, по словам Янковой²⁾, как женщина очень умная, дельная и рассудительная, стала заведывать всем домом и детьми, принимая к ним мамзелей и учителей, да и сама учила.

Впрочем, осторожная и политичная теща сохраняет за собой и отдельную квартиру в одном из соседних кварталов во дворе стат. сов. Штритерши, где живут одни дворовые люди ее (теперь владения №№ 10 и 12 по М. Козловскому пер. и №№ 9—7 по Фурманному пер.) и только в 1805 г. окончательно переселяется к зятю.

С любовью подчеркнем, что в 1803 г., т.-е. когда Саше Пушкину было всего 4 года, при Марье Алексеевне «Ганнибаловой» записана по дому Штритерши и вдова Ирина Родионова 45 лет (исповед. вед. под № 324); она показана как-то особняком, после 8 других дворовых, принадлежащих Ганнибаловой, из чего можно предположить, что проживала она вне ее квартиры, а вероятно, у ее дочери; впрочем в последующие годы прославленная няня поэта уже ни разу не упоминается³⁾.

¹⁾ В „Москов. некрополе“ и в „Родословной Пушкиных“ М. В. Муравьева ошибочно указаны неразобранные на плите даты 22 января и 20 октября.

²⁾ Благово. Записки бабушки, 1885 г., стр. 459.

³⁾ По словам Ф. В. Растопчина „мамы или няни очень уважались всемях“; хотя мамы эти, хаживавшие за детьми, и были простые барские барыни без просвещения, в набойчатых или сятцевых кофтах, с повязанным на голове платком.

Няня Ирина Родионовна (1758—1828 гг.), занимала исключительное положение в семье Ганнибалов, Пушкиных и Павличевых; поэт, и взрослый продолжал звать ее „мамой“, а она слала ему письма в необычном для крепостной женщины тоне; А. П. Керн, Языков и Пушкин отметили ее значение. Старушка была родом из Ганнибаловской вотчины Суйды, что близ Кобрина и Гатчины и говорила нараспев, „там, эдак, все певком говорят“ (рассказ кучера Петра. Журнал Мпн. нар. просвеш., 1859 г., т. III, стр. 144), любила рассказать о „старых арапах“ (Абрам, Осип и др. Ганнибалы), выпить за одним столом с приезжими к поэту его товарищами и, не стесняясь своим возрастом, по их просьбе затянуть народную песню. Имея несколько своих детей, она все же жила и умерла у Павличевой.

Примечательно, что и все дочери Исаака Абрамовича Ганнибала отличались речью нараспев: „все они точно египетские голуби воркуят

Домовладелец генерал-майор граф П. Л. Санти 22 лет от роду был в числе любимцев Александра I, но некоторые годы проживал в Москве, имея при себе до 16 дворовых, в то время, как Сергей Львович имел от 4 до 13 душ. Кроме них во дворе жил еще чиновник Петров и уездный землемер Федотов (по многим данным отец будущего знаменитого художника, родоначальника нашего жанра). Трудно уяснить себе, как размещались в тесно застроенном дворе Санти и Пушкины¹⁾. В большом доме, длиной по фасаду в 29 арш. и шириной в 23 арш. и с мезонином, было до 100 кв. саж., в боковом флипеле всего 26 саж. Где-то во дворе жил дворовый портной графа Санти Березинский, «производивший женское портновское мастерство», о чем случайно знаем, так как в «Моск. ведомостях» публиковалось о побеге от него одного ученика (1799 г., стр. 978). Со всех сторон двор был застроен деревянными службами и повидимому обходился без садика и огорода.

. . . выговор у них такой африканский что ль, был“, вспоминали о них в Тригоровом (статья Семейского в „С.-Петербург. Вестн.“ 1866 г. № 157).

По словам того же дворового Петра, „он“ (поэт) ее все мамá называл, а она ему, бывало, в ответ: „батьюшка, зачем ты меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?“ — „разумеется, ты мне мать: не то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила“ . . .

В этом рассказе, слышанном спустя 33 года после проживания поэта в усадьбе, возможны и позднейшие домыслы. „Мамá“ со столь необычным для русского уха ударением, есть не что иное, как французское „Maman“ в котором „n“ не слышится, и которое всегда означало не только родную мать, но и вообще старшую женщину, наставницу; к такому слову — употреблению был приучен и поэт. Да и в московском говоре, как видно из повести Растопчина, мамá было равнозначно с няней, независимо от того, была ли она кормилицей.

Не менее 10 художников пытались набросать воображаемый портрет ее. В Пушкинском доме при Академии Наук имеется резной из кости медальон с изображением женщины в шали и повязке, в котором некоторые хотят видеть именно Арину Родионовну (Дар Максима Горького. См. статью П. М. Устиновича и рисунок в „Красной панораме“ 1926 г., № 28).

В 1928 г., в столетнюю годовщину кончины ее, на Охтенском кладбище в Ленинграде прикреплена к стене памятная доска о неразысканной там могиле Арины Родионовны.

1) Внучка Абрама Ганнibalа и внук Франца Санти, наверно имели повод вспомнить семейные рассказы о приезде их дедов на службу к Петру I; как известно, за свою приверженность к партии дочери его Елизаветы, оба они попали в 1727 г. по воле Меншикова в ссылку, — один на китайскую границу, другой в Якутск, и только при Елизавете, вернувшись к власти; изумительна пылкость ума и живучесть сил у этих обрусевших негра и итальянца.

Здесь же появляется впервые геттингенский студент Александр Иванович Тургенев, робко вступающий в свиту Надежды Осиповны, блиставшей тогда среди столичных дам; всю привязанность своей души он потом переносит на ее сына Сашу и до гробовой доски часто заменяет ему родного отца; не он ли хлопочет о помещении его в лицей и об освобождении из ссылки, заботится о раненом и один из всех знакомых, невзирая на свой возраст, провожает труп его, чтобы зарыть рядом с могилой Надежды Осиповны.

Вот некоторые имена дворовых при Пушкиных в 1804 и 1805 гг.: Харитон Иванов 35 л. с женой, Иван Федоров 19 лет, вдова Ульяна Яковлева 37 л., вдова канцелярская жена Надежда Сергиева 51 г. и, наконец, Никита Тимофеев, по прозвищу Козлов, будущий верный спутник поэта и по Бессарабии и в последнем пути его на Святогорское кладбище. Это к нему относится трогательное воспоминание Н. В. Сушкова¹).

«Старый дядька Никита Козлов, можно сказать, не покидал своего питомца от колыбели до могилы. Он был, помнится, при нем и в Москве, где шаловливый и острый ребенок уже набирался ранних впечатлений, резвая и бегая на колокольню Ивана Великого и знакомясь со всеми закоулками и окрестностями златоглавой столицы».

Именно к этому дому должно также приурочить следующий рассказ Сергея Львовича:

«В самом младенчестве он (А. С.) показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что Николай Мих. Карамзин — не по, что другие. Одним вечером Н. М. был у меня, сидел долго; во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз. Ему был шестой год»²).

Юсупов сад

Отец поэта не любил деревни, и вряд ли маленький Сапа жила подолгу в деревне до 1807 года, когда бабушка Мария Алексеевна купила подмосковное село Захарово. Дачная жизнь еще не была распространена, и прелестями природы дети наслаждались в тех больших садах, которые местами занимали целые кварталы. Среди них Юсупов сад в Харитоньевском переулке (теперь под № 22) пользовался особой известностью и был доступен Пушкиным, как жильцам из двора Юсупова и знакомым владельца. Так как в конспекте своей биографии поэт записал рядом: «Первые впечатления. Юсупов сад. Землетрясение»³). Няня, то мы, наверно, не впадем в ошибку, если прочтем эти наброски, как глубоко залавшие в душу ребенка воспоминания о детских играх и прогулках в Юсуповом саду, что у Харитония в Огородниках. Недавно найденный Н. А. Пустохановым план показывает, что это был сад, распланированный более чем на десятины, на подобие Версальских садов, с правильными аллеями и круглым прудом, к которому спускались ступени

¹) Литературный сборник „Раут“, 1851 г.

²) Биографическая заметка отца поэта С. Л. Пушкина. „Огонек“ 1927 г. № 7.

³) Землетрясение в Москве произошло 14 октября 1802 г. и было отмечено газетами и многими современниками—мемуаристами.

двух лестниц; с улицы имелись парадные ворота, а за ними на площадке у входа в главную аллею, как можно догадываться по намеченным двум пьедесталам, возвышались мраморные статуи. В центре сада под двумя концентрическими окружностями рисуется нам круглая беседка, а правее ее, под косо поставленным прямоугольником, традиционный грот или искусственные руины, без которых по моде того времени не обходился ни один затейливый сад¹⁾.

Если такова, по архитектурным догадкам, картина Юсупова сада, то нам открывается интимный смысл незаконченного и долго не поддававшегося истолкованию стихотворения:

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много,
Неравная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашу окружена,
Приятным, сладким голосом²⁾ бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало,
И очи светлые, как небеса!
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и уроков,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров.

И часто я украдкой убежал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня дерев прохлада;
Я предавал мечтам свой слабый ум,
И прайдно мыслить было мне отрада.

¹⁾ „Желающие (из чистой публики) гуливали и в саду князя Юсупова (у Харитония в Огородниках, что ныне рабочий дом), несмотря на то, что сам хозяин его был долго вне России“—отмечает С. Любецкий в „Отголосках старины“, изд. 1867, стр. 41.

Попутно надо упомянуть, что Чистопрудного бульвара, который всего за 4 двора от дома Савти, еще не существовало, и открытый цу-стырь орошался ручьем Рачка, протекавшим от Мясницких ворот к Чистому пруду (План Москвы, изд. Куртенера, 1807 г.).

Любил я светлых вод и листьев шум.
И белые в тени дерев кумиры.
И в ликах их печать недвижных дум.

Все мраморные циркули и лиры,
И свитки в (белых) мраморных руках,
И длинные на их плечах порфиры.

Все наводило сладкой некой страх
Мне на сердце, и слезы вдохновенья
При виде их рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один — Дельфийский идол — лик молодой, —
Был гневен, полов гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой же нообразный сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон — лживый, но прекрасный. . .

Теперь очевидно, что воспоминания Александра Сергеевича осенью 1830 г., в ряду других набросков, относившихся к его родословной и к детству, вдохновлялись Юсуповым садом, против которого и подле которого он жил до 7—8-летнего возраста, а, может быть, и дольше.

Картины детства воскресли в душе поэта после посещения Н. Б. Юсупова в 1829 и 1830 годах, в качестве желанного ему гостя и литературного собрата Вольтера, Дидро и Бомарше, Державина, Фонвизина и Дмитриева (знакомством с которыми всегда гордился Юсупов). И одряхлевший покровитель искусств, и молодой поэт, наверно, насчитывали своему знакомству более четверти века, еще с той поры как родители поэта проживали в доме Юсупова. Юсупов знал мать поэта «la belle gréole», а, может быть, помнил и курчавую головку резвившегося в его саду маленького Саши Пушкина. Старец хвалился воспоминаниями своей молодости и воздавал должное красоте невесты Пушкина — Н. Н. Гончаровой¹⁾. Поэт ответил на Юсуповское гостеприимство с дарственной щедростью, подарив потомству в опубликованном послании «К вельможе» художественную характеристику Юсупова, а вскоре затем написал терцины «В начале

¹⁾ Я слушаю тебя: твой разговор свободный

Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.

жизни». Четыре раза поэт собственноручно переписывает их, но не заканчивает и до смерти своей не сдает в печать, считая их слишком интимной лирикой.

В этих чуждых всякой отвлеченности стихах Александр Сергеевич изображает одну из незаурядных и не казенного типа школ (быть может, один из детских пансионов, открывавшихся тогда заезжими иностранными учителями?) и свои частые украдкою побегии из фанатической школьной обстановки, от гувернанток-полумонашек¹⁾ «в великолепный мрак чужого сада», под свод порфириного грота, близ светлых вод и мраморных изваяний.

Известно, что Юсуповым садом, окруженным высокой каменной стеной, пользовались певицы из капеллы и балерины его театра, и что здесь устраивались ледяные горы для них, по крайней мере по данным после 1812 г.²⁾

Таково биографическое значение Юсупова сада, и таков был вид его до 1810 г., когда Юсупов приобрел подмосков-

1) По словам Ф. Ф. Вигеля (Записки, т. I, стр. 111) „в 1798 г. в Москве считалось до 20 иностранных пансионов, и они были хуже, чем народные школы, от которых отличались только тем, что в них преподавались иностранные языки. Мы были—настоящее училище колугаев. Догадливые родители не долго оставляли тут детей, а отдавали их потом в пансион университетский“. В некоторых учились вместе мальчики и девочки; были пансионы и под иезуитским влиянием, на что, между прочим, имеются намеки и в конспекте автобиографии поэта.

Труднее допустить, что могла быть речь о „Частном народном двухклассном училище“, помещавшемся в то время на Красноворотской площади (д. № 4, на месте, где ныне техникум), в котором одним из двух учителей был Андрей Васильевич Скворцов, как будто родной брат известного нам домовладельца. В 1812 г. в Москве было уже 26 частных училищ, содержавшихся большей частью иностранцами. (Чтения Моск. Общ. Ист., Древн., кн. 243, стр. 7).

В одном только районе Немецкого рынка и Елохова в 1807—1810 г. находились пансионы Марии Венуа, Гавриила Дельсаль и Борденау, впрочем среди пансионеров по исповедным спискам имя поэта не значится.

Мыслью о том, что в стих. „В начале жизни школу помню я“ Пушкин вспоминает Юсупов сад в Москве, мы обязаны впервые высказавшему возможность такой догадки М. А. Цявловскому. Другие предположения—проф. Н. Н. Булича и Л. И. Поливанова—о саде Бутурлиных (в Лефортове, Почтовая ул., 2, по берегу Яузы) кажутся нам менее обоснованными, так как поэт не упоминает об этом саде в конспекте биографии (написанном в те же дни, в октябре 1830 г.), а установка Бутурлинского сада статуями ничем не доказана, и самое проживание Пушкиных в Лефортове допустимо в более поздний период.

Впрочем, нельзя умолчать, что ближайшим соперником Юсупова сада мог бы считаться и Летний сад в Петербурге, обильно украшенный статуями, в котором А. С. несомненно бывал с И. И. Пущиным с конца июля до середины октября 1811 г., подготавливаясь в пансионе иезуитов перед открытием лицея. (Сравни.: „Меня везут в Петербург. Езуиты. Тургенев. Лицей“).

В исследовании академика М. Н. Розанова „Пушкин и Данте“ (1926 г.) сделан опыт истолкования этого стихотворения в символическом смысле и как подражания некоторым терциям „Божественной Комедии“ Данте (Пушкин и его современники, вып. XXXVII, изд. 1928 г.).

2) Кашия Н. П., Театр Юсупова, 1927 г.

ную Архангельское и начал украшать ее больше, чем сад у Харитония, статуями богинь и муз, в порфирах, с лирами, свитками, циркулями и прочими эмблемами, с какими они и посейчас стоят в подмосковной.

Хотя первые биографы поэта Анненков и Бартенев не упоминают об его ученьи в каком-либо пансионе, но факт этот представляется теперь более чем правдоподобным и, в качестве не удавшегося опыта, легко может служить объяснением, почему в дальнейшем появляются «первые неприятности — гувернантки», потом гувернеры и, наконец, «непереносимое состояние», заканчивающееся охотным отъездом в отдаленный лицей и разлукой с родителями. «До одиннадцатилетнего возраста А. С. воспитывался в родительском доме», — писал младший брат его Лев Сергеевич, но где он учился до начала тринадцатого года — остается недосказанным¹⁾.

Уголок поэтов

Тихие малолюдные переулки Огородной слободы были истинно-художественным и литературным центром в первые годы XIX века. Пройдемтесь по ним в десяток минут взглянуть, кто в них живет.

По Большой Хомутовке в д. № 10 во дворе гр. Сантти квартирует известный остроумец, эстет и вольтерьянец Сергей Львович Пушкин, поддерживающий связи с литературными кругами и сам пишущий французские стихи.

Рядом с Пушкинными в доме № 12 начинающий поэт Ив. Ив. Козлов (1779—1840 г.), будущий автор «Чернеца» и поклонник Пушкина.

Если повернем налево, то в М. Харитоньевском переулке под № 7 найдем прославленного уже поэта и бюмтиста Василия Львовича Пушкина²⁾. По Б. Хомутовке в доме № 14 живет в богатом доме вдова Е. П. Хераскова, невестка известного писателя, устраивавшая литературные вечера. Свернув в нынешний М. Козловский пер., во втором дворе налево (№ 12) найдем гостеприимного холостяка, сентиментального поэта и баснописца И. И. Дмитриева³⁾. По

¹⁾ Майков Л. — Пушкин. (Стр. 4).

²⁾ В 1803 г., после бракоразводного процесса с Капитолиной Михайловной Вышеславцевой, Василий Львович уезжает в путешествие по Западной Европе; в Париже он берет уроки театрального искусства, собирает ценную библиотеку и проникается новыми приемами литературного творчества в духе большей простоты и близости к живой речи, громким глашатаем которых и становится с тех пор в московских литературных кругах.

³⁾ В маленьком садике, где Дмитриев любил копаться на грядках, собирались его литературные друзья. В. А. Жуковский составил надпись к солнечным часам, стоявшим в этом саду:

Б. Хомутовке под № 15 — дом Вяземского (дяди поэта), а следующий двор — Юсупова.

В этих домах, по духу тесно связанных между собой, появляются и живут, как свои близкие: переводчик Жуковский, историк Карамзин, старик Херасков, Измайлов, Воейков, позднее Балюшков и многие другие литераторы того времени.

В Машковом переулке во дворе под № 3 нынешним — богатая семья Болховских, в которой молодой гвардеец Дмитрий Николаевич, один из участников убийства Павла I и близкий друг Пушкиных, открыто громит тиранию монархов. Это он впоследствии встретит в Кишиневе с распростертыми объятиями ссыльного Пушкина и раз навсегда зазовет его к себе залпосто обедать и коротать время.

А там в конце Б. Хомутовки, налево на углу Садовой живет гроза Москвы — обер-полицеймейстер Балашов (теперь в этом доме общежитие Общества политкаторжан).

Причудливо уживалось все в старой Москве.

В 1807 году мы уже не находим семьи Пушкиных ни во дворе гр. Санги, ни вообще в Огородной слободе. Дом Санги переходит в руки С. В. Шереметьева, а в 1808 г. и дом бабушки Ольги Васильевны (М. Харитоньевский пер. 7) наследники продают Л. А. Щербачеву.

Правда, в воспоминаниях А. Ю. Пушкина упоминается, что родители поэта жили после выезда из двора Санги во дворе Одоевского (на углу М. Козловского и Фурманного переулка), но документально это нигде не отмечено.

В 1809 г. поэт И. И. Дмитриев становится министром и переезжает в Петербург, а с ним навсегда прекращаются и литературные вечера у Харитония в Огородниках.

В сельде Захарове

И я считал когда-то восемь лет,
Они прошли в судьбе своей унылой,
Вог знает, как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было.

К. М. А. Дельвиг 1816 г

Где живут Пушкины в следующие годы, трудно пока установить с точностью, за недостаточностью архивных материалов. Известно только, что в 1807 году дети жили в

И час, и день, и жизнь мелькают быстрой тенью!
Прошла моя весна с минутной красотой!
Прости, любовь! Конец мечтам и заблужденью!
Лишь дружба мирная с улыбкой предо мной!

(Полн собр. соч., пзд 1918 г., т I, стр 91. Стихи написаны раньше 1811 г.).

сельце Захарове, где умер младший брат поэта Николай (род. 26 марта 1801 г., ум. 30 июля 1807 г., см. надгробную колонну при церкви с. Вязем; статья А. Саладина в сборнике «Дорогие места», под ред. И. А. Белоусова, 1918 г.).

Только под 1808 г. находится запись о полковнике (точнее бы сказать коллежском советнике) Сергее Львовиче Пушкине, проживающем в доме М. М. Данилова в приходе Бориса и Глеба на Поварской (по разысканиям Е. А. Ромейковой; теперь д. № 21 по ул. Воровского, б. Поварской). При нем показаны 14 дворовых¹⁾, но нет никакого упоминания о жене, о детях и о неразлучной с ними бабушке Ганнибалыше. Явление, казалось бы, непонятное, если не сопоставить его с записью в биографическом конспекте самого поэта: «Отъезд матери в деревню...». Это слабый намек, который нужно рассматривать в свете других общеизвестных данных о семейной и светской жизни супругов. Неумолимая придирчивость жены, «умевшей, что называется, дуться по дням, месяцам и даже целым годам», — и «нервические выходы» другого, в связи с фамильными примерами супружеских разъездов (у тещи Ганнибалыши и у брата Василия), достаточно объясняют эту временную разлуку слишком самолюбивых супругов. К этому присоединялись и начинавшиеся в семье денежные затруднения по оплате векселей²⁾, выданных дяде И. О. Ганнибалу, приведшие в конце концов к тому, что Ганнибалыша уже через 4 года вынуждена была отказаться от подмосковного сельца Захарова и продать его в чужие руки.

Быть может, когда-либо и будут найдены документы о проживании Пушкиных в 1809—1811 гг. где-нибудь близ Поварской, а пока остается обратиться к устному преданию литератора николаевских времен М. Н. Макарова, опубликованного в 1843 г.³⁾ сбивчивое воспоминание, переносящее Пушкиных опять в Немецкую слободу.

¹⁾ Среди последних только три ранее известных лица: Никита Тимофеев 30 лет, Евдокия Лаврентьева 26 лет и вдова Ульяна Яковлева 40 лет.

²⁾ Документы, опубликованные в „Русской старине“ 1879 г. за июнь.

³⁾ „Современник“, XXXIX. стр. 380.

Много лет спустя, вспоминая первую встречу со своим гонителем Александром I, поэт записал: „В 1810 г. в первый раз увидел я государя. Я стоял с народом на высоком крыльце Николы на Мясницкой.“

На самом деле, царь был в Москве 7—12 декабря 1809 г. (Москов. Ведом. №№ 102—104), высоким же крыльцом с балконом по второму ярусу ставилась бывш. церковь Евпла во влад. № 7 по Мясницкой, а не Николы по № 35. Вблизи первой жили знакомцы Пушкиных Митьковы.

В другом месте поэт характеризует оживление подмосковных дач в наброске: „балы, театры, фейверки (извините не могу выговорить немецких этих звуков иначе как по московскому наречию).. В рощах Свирилова, Марфина, Петровского, Останкина гремела роговая музыка, плошки и цветные фонари оаряли английские дорожки, ширмы превращались в кулисы. Актеры“. (Неизданный Пушкин. Собрание Ф. А. Онегина изд. 1922 г., 187 и 190). Вероятно воспоминания выездов с родителями за город.

Портрет Пушкина (акварель) работы неизвестного. Приобретен Пушкинским Домом Академии наук в 1928 г.

По словам М. Беляева это „подлинный, современный и притом самый ранний портрет поэта“ („Красная Панорама“ 1929 г. № 22).

В Госпитальном переулке

Макаров рассказывает, что в 1810—11 гг. отец поэта жил «подле самого Яузского моста, т.-е. не проезжая его к Головинскому дворцу, почти на самой Яузе, в каком-то полукирпичном и полудеревянном доме», в близком соседстве с Бутурлиными, даже будто бы «стена о стену». Еще позднее, в 1885 г., мемуарист Д. Благово поведал в «Рассказах бабушки Е. П. Янковой», что в 1810 или 1811 г. «Пушкины жили где-то за Разгуляем, у Елохова моста, нанимали там просторный и поместительный дом, чей именно, не могу сказать наверно, а думается мне, что Бутурлиных».

Не говоря уже о том, что «Елохов мост за Разгуляем» расположен у самого дома Мусиных-Пушкиных и в полуторах верстах от дома Бутурлиных, весь рассказ Благово содержит свободную композицию и явно отдает использованием ранее опубликованных материалов того же Макарова. Оба рассказа страдают одним преувеличением: сколько-нибудь долгое время Пушкины не могли жить у Бутурлиных, а если и гостили у них, то как дальние родственники и друзья, и возможнее всего, что это было летом 1811 г., после потери для них усадьбы Захарово.

К этому заключению приводит полное отсутствие записей в метрических и исповедных книгах богоявленского прихода о Пушкиных или об их дворовых за последние годы перед нашествием Наполеона. Нет записей ни по дому Бутурлиных, ни по новому дому Скворцова (теперь по Госпитальному пер. №№ 1 и 3, угол Почтовой 4), расположенному рядом с Бутурлиными, ни по всему приходу и даже по всей Лефортовской части.

К этому периоду относятся беглые упоминания Макарова о пробуждавшейся талантливости мальчика, назойливости любительниц его стихов, преследовавших его со своими альбомами, и о защите скромного поэта троюродной теткой Анной Артемьевной Бутурлиной. Живший в то время у Бутурлиных ученый француз Жилле, по словам Макарова, уже предугадывал: «Дай бог, чтобы этот ребенок жил и жил; вы увидите, что из него будет!»¹).

¹) Реми Жилле—гувернер в доме Бутурлиных; за 1800 г. имеется запись о крестинах у Бутурлинского дворового, при которых „кум французской нации Еремей Мусь Желей, а кума девица Анна Юрьевна Пушкина“. Этот обрусевший француз, известный даже под именем Еремей и Петра Ивановича, командовал одним из калмыцких отрядов, действовавших против Наполеона, и умер в чине статского советника в 1840 г. (Записки М. Д. Бутурлина в „Русском архиве“ 1897 г., кн. II); вот—старейший пушкинист.

Старинный парк при доме Бутурлиных выгорел, заглох и почти уничтожен; пруды с голландскими каналами и искусственными островами, изображенные на голландских гравюрах 1710 годов, затянулись тиной и заросли на нашей памяти; но дом с оригинальными сводами в первом этаже (единственном здесь памятнике конца XVII века), уцелел, возбуждая удивление своею прочностью (Почтовая ул. 2, в глубине двора, в соседстве с Лефортовским дворцом). Теперь здесь дом принудительных работ для малолетних правонарушителей. Под этими сводами видели таких гостей, как Гордон, Лефорт и Петр I с плеядой его птенцов и сотрапезников; спустя столетие здесь жил Д. П. Бутурлин («Русский архив», 1897 г., № 2. Записки М. Д. Бутурлина), и у него-то будущий поэт мог дивиться редкой и обширной библиотеке.

«В теплый майский вечер, — вспоминает М. Н. Макаров, — мы сидели в саду графа Бутурлина; молодой Пушкин тут же резвился, как дитя, с детьми. Известный граф П. упомянул о даре стихотворства в А. С.—че. Графиня Бутурлина, чтоб как-нибудь не огорчить молодого поэта, может быть, нескромным словом о его пиитическом даре, обращалась с похвалою только к его полезным занятиям, но никак не хотела, чтоб он показал нам свои стихи; за то множество живших у графини молодых девушек почти тут же окружили Пушкина со своими альбомами и просили, чтобы он написал для них что-нибудь. Певец-дитя смешался. Некто Н. Н., желая поправить это замешательство, прочел детский катрен (четверостишие) поэта, и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи на о. А. С. успел только сказать: «ah, mon Dieu» и выбежал. Я нашел его в огромной библиотеке графа; он разглядывал затылки сафьянных фолиантов и был очень недоволен собою. Я подошел к нему и что-то сказал о книгах. Он отвечал мне: «поверители, этот г. Н. Н. так меня озадачил, что я не понимаю даже и книжных затылков». Вопсел граф с детьми. Пушкин присоединился к ним, но очень скоро ушел домой.

В детских годах Пушкин был не очень рослым дитей и все с теми же африканскими чертами физиономии, с какими был и взрослым».

Если летом 1811 г. Пушкины, действительно, жили в Госпитальном переулке, то остается выяснить, в чьем именно дворе. Так как у Бутурлиных на правой стороне переуллка, судя по плану того времени, не было жилого дома, а лишь оранжерея, то квартиру их следует искать на левой стороне в новом дворе их давнего знакомого И. В. Скворцова (теперь №№ 1 и 3 по Госпитальному пер.). К этому времени Скворцов уже давно продал свой первый двор по Большой (Немецкой) ул., где родился поэт, и с 1804 г. владел почти рядом с Бутурлиными, перейдя лишь переулком, двумя деревян-

ными домами с участком в 1035 кв. саж. и, повидимому, садом (на нем¹); эта местность долго впоследствии имела загородный характер.

Учителя

Круг сверстников и товарищей поэта по играм раннего детства остается неизвестен нам. Немного больше сведений дошло до нас об учителях поэта; возможно, что в архивах, касающихся проживания в Москве иностранцев в начале XIX века, еще найдутся какие-либо крупицы. Сам поэт отметил только две фамилии своих учителей — Монфора и Русло, без пояснения, были ли они гувернерами в доме или приходящими учителями, и не владел ли Монфор собственным пансионом. В воспоминаниях Павлицева Монфор называется французским эмигрантом, графом, человеком образованным, гуманным и чуждым казарменных выходов, с незаурядным талантом живописца; ни имени, ни дальнейшей судьбы его история не сохранила²); насколько известно, носители этой фамилии, хотя и без титула, числятся в Москве и по сей день, занимаясь педагогическим трудом.

Преемник Монфора — Русло, или, быть может, правильное, Rousselleux, упоминается в качестве бездарного подражателя Корнеля и Расина и придиричливого критика первых французских виршей ребенка-поэта. Через четверть века фамилия Руссле встретится, как имя превосходного повара в петербургских аристократических домах, угощающего на славу Пушкина, Жуковского, Вяземского и др. (Записки Смирновой. 1894 г., стр. 219). Что здесь: случайное совпадение фамилий, превратности фортуны или возврат к старой профессии — судить теперь трудно³).

Учителя Шедель и Шиллер для нас сплошная загадка⁴).

¹) В архиве московск. губ. инжен., б. город. управы, имеется план 1804 г. на двор под № 218; по исповедным книгам видно, что здесь жили родители домовладельца и имелась квартира для посторонних, в которой помещались одно время 5 жильцов. Указанием второго скворцовского владения и разысканием плана на Бутурлинское владение мы обязаны Н. П. Чулкову.

²) По экономическим записям в архиве Глебовой-Стрешневой, что под Москвой, известно о проживании у нее в 1824 г. домашнего учителя при ее сыне—А. С. Монфер, с окладом в 3.000 рублей ассигнациями в год (разыскания Н. П. Кашина).

³) В измене педагогической профессии для более прибыльного ремесла нет по тому времени ничего удивительного; напр., известно, что хороший художник Молинару, учивший у Бутурлиных, открыл после 1812 г. кондитерскую, переехав в Петербург. (Записки М. Д. Бутурлина). Руссле и Молинару—соседи и жертвы одной и той же обстановки.

В июне 1809 г. некий Карл Русело публиковался отъезжающим за-границу.

⁴) Фамилия Шедель принадлежит к вполне обрусевшим; известен архитектор Шедель, строитель дворца Меншикова в Ораниенбауме и храмов в Киеве, купивший на Украине хутор и оставшийся там с детьми; он умер в 1752 г. (И. Грабарь, Ист. рус. искуc., т. III, стр. 97).

Англичанка мисс Белли, повидимому, родственница лектора английского языка в Московском университете Белли, пользовавшегося широкой известностью, хотя и преподававшего с помощью французского языка¹⁾.

Из учителей «русской грамоты, а впоследствии и русской словесности» О. С. Павлицева ставила на первом месте свою бабушку М. А. Ганнибалъпу (уроженку Липецкого уезда, Тамбовской губ.), обладавшую, по ее словам, изящным слогом, кстрым любовались все читавшие ее письма.

«Настоящим же дельным учителем русского языка, арифметики и закона божия» П. В. Анненков считает Александра Ивановича Беликова, окончившего славяно-греко-латинскую академию, владевшего свободно латинским, немецким и французским языками, обрацавшего к французским эмигрантами и прославленного переводом в 1806 г. книги «Дух Масильона»²⁾.

В недописанной строке программы автобиографии поэта: «Кат. П. и Ан(на) Ива(новна)» как будто угадываются имена тех обрусевших гувернанток, которые делили с Монфором и Руссле заботы по учению детей.

У семейного очага

Общеизвестных сведений о холодном отношении обоих родителей к их старшему сыну и о какой-то семейной тайне, скрывающей причину такой холодности³⁾ не будем повторять: в них многое объясняется духом времени и светской суетностью родителей. Сергей Львович, по словам П. А. Вяземского, был в своем роде нежный отец, но нежность его черствела в виду выдачи денег; вообще он был очень скуп и на себя и на всех домашних; из-за случайно разбитой рюмки он мог выпылить и целый обед проворчать, а потом попрекнуть, что рюмка стоит, и не 20, а целых 35 копеек⁴⁾. Он был тщеславен в духе времени и не прочь сослаться не на штатский чин ассесора, а на воинский — майора и полковника⁵⁾; управлять своим захудалым имением он не умел

1) „Москвитянин“, 1851 г., № 9 и 10. Записки Тимковского.

2) В эти годы он был диаконом и законоучителем в девичьем Александровском институте. Позднее он преподавал в Практической академии коммерч. наук.

3) Проф. Незеленов. А. С. Пушкин, стр. 2, изд. 1903 г.

4) Вяземский, собр. соч., т. VIII, стр. 149).

5) Чин коллежского ассесора, равный майорскому, принадлежал к легко дававшимся при выходе в отставку; Москва была полна майоров и ассесоров, как в екатерининское время бригадиров.

В эпиграмме на Александра I, смеивая невысокий уровень его способностей, поэт наделил и его названным чином: „Воспитанный под барабаном, наш царь лихим был капитаном... но фронт герою надоел, — теперь коллежский он ассесор по части иностранных дел“.

Образцы стихотворений Сергея Льв. см. в статье Семевского в „Рус. вестн.“ за 1869 г. № 11.

и остался навсегда с репутацией начитанного остроумца, искателя французской рифмы для альбома или каламбура в обществе; конечно, в исторической перспективе и это неплохо, коль скоро этим путем прививалась детям любовь к красивой речи и оригинальной мысли.

Могло казаться странностью, что Надежда Осиповна не терпела заживаться на одном и том же месте и любила менять квартиры, а если переезжать нельзя было, то хоть превращать, не спрашивая Сергея Львовича, снисходительного к ее причудам, — кабинет его в гостиную, спальню в столовую и обратно, меняя обои, переставляя мебель и прочее¹). А между тем, и эта черта рисует неутомимый, мятущийся ум, ищущий возможности идти, и при скромных средствах, новые формы и новые сочетания красоты. В окружении таких родителей и в подражании им дети должны были унаследовать, по меньшей мере, страстное искание новизны и творческого своеобразия.

Александр Сергеевичу шел 13-ый год, а родители не отдавали сына ни в гимназию, ни в университетский пансион, задумав поместить его в закрытое учебное заведение в северной столице, при помощи таких знакомых, как Малиновский и А. И. Тургенев. Дружественные некогда отношения к последнему впоследствии заволжались, по крайней мере, со стороны Сергея Львовича, и ни та ни другая сторона не сохранили никаких воспоминаний друг о друге за эту эпоху²).

Сборы в отъезд

Как известно, не сам Сергей Львович, а брат его Василий Львович вызвался отвезти мальчика в Петербург и выхлопотать помещение его в лицей. Начались давно жданные сборы в дорогу. 15 июля 1811 г. была взята из богоявленской церкви выпись о рождении сына «в доме Скворцова» и, конечно, не без просьбы родителей новый священник Никита Иоаннов указал день рождения не 27, а 26 мая 1799 г. (метр. выпись опубликована в сборнике проф. Шляпкина).

¹) Павлицев, стр. 9.

²) И только в 1837 г. старик С. Л. Пушкин, потеряв уже жену и сына, счел долгом отметить в изысканном письме к А. И. Тургеневу участие его в судьбах покойного поэта. „Александр Иванович Тургенев, писал он Тургеневу же, был главным, единственным орудием помещения его в царско-сельский императорский лицей и ровно через 25 лет, он же, проводил тело на вечное последнее жилище... Да узнает Россия, что Вам она обязана любимым ею поэтом, а я, как отец, поставлю за утешительную обязанность изъяснить Вам все, чем исполнено мое сердце. Неблагодарность никогда не была моим пороком. Простите, будьте везде счастливы, как будете везде любимы. Не знаю, увижу ли вас, но куда жив, буду любить и вспоминать о вас с благодарностью. Искренно почтающий вас Сергей Пушкин. Июня 4-го 1837 г. Москва“ (Вестник Европы“ 1880 г., № 12).

К этому же именно времени, перед предстоявшей шестилетней разлукой родителей с сыном, следует приурочить, по психологическим и бытовым соображениям, зарисовку первого портрета Александра Сергеевича.

Подлинник его не дошел до нас, и нам даже неизвестно, кто из знакомых Пушкиным рисовальщиков (Монфор, Молинари, Ксавье де-Местр или кто другой из самоучек) изобразил его полнощеким, как херувимы Рафаэля, мальчиком, подпирающим правую щеку кулачком, в рубашонке и плаще через левое плечо ¹⁾.

При сборах в дорогу, тетушка Анна Львовна и сестра бабушки Варвара Васильевна Чичерина дали уезжавшему Саше сто рублей ассигнациями «на орехи», но дядя Василий Львович тут же взял себе эти деньги на сбережение. Спустя 14 лет, сидя в сельце Михайловском без денег и вспоминая об этом эпизоде, поэт писал П. А. Вяземскому, с присущим ему юмором: «Дядя Василий Львович по благорасположению своему ко мне и ко всей моей семье во время путешествия из Москвы в С.-Петербург взял у меня взаймы сто рублей» и далее, указывая, что за эти годы выросли бы проценты, просил дядюшку вернуть ему с процентами двести рублей ²⁾.

Во второй половине июля 1811 г., простившись со всеми близкими и напутствуемые семьей, дядя и племянник — один известный тогда поэт, другой безвестный подросток, — выехали на лошадях по Тверской дороге в далекий 4—5-дневный путь в Петербург, дядя на сезонное свидание с своими литературными друзьями, а племянник — вовсе не предвидя, что расстанется с Москвой на целые 15 лет.

Отзвуки детства

Заканчивая наш беглый обзор, мы должны были бы представить иллюстрационный материал к нему. Но Юсупов сад погиб в пожаре 1812 года; изображение дома Санти не сохранилось (в архиве луб. инж. имеется только план двора). Видов Харитоньевского пер. в начале 1800-х годов не удалось пока найти. В замену их обратимся опять к той же многокрасочной палитре Александра Сергеевича и возьмем у него

¹⁾ Впоследствии, в 1822 г. портрет был перерисован гравером П. Е. Гейтманом и долго сопровождался молвой, будто он написан то ли „наизусть, без натуры К. П. Брюловым“, то ли учителем рисования в лицее С. Г. Чириковым, хотя всякому очевидно, что ни тот, ни другой не знали поэта в том детском возрасте, в каком он изображен.—После нахождения более реалистических портретов А. С., изображающих его: в лицейском мундире (1817 г. у Энгельгарда) и у крымского водоема (1820), не может быть более места вышеупомянутой фабule, ибо, сопоставляя с ними, нельзя приурочить портрет к возрасту старше 12 лет.

²⁾ (От 15 авг. 1825 г. в т. I писем, изд. 1927 г. под № 171).

образы, навеянные и интимно связанные и с тесным двориком Санти и с Харитоньевским переулком в целом.

Воспетая поэтом бригадирская дочь Татьяна Дмитриевна Ларина подъезжает к Москве.

Москва, Москва...
 В сей утомительной прогулке
 Проходит час — другой, и вот,
 У Харитонья в переулке
 Возок пред домом у ворот
 Остановился. К старой тетке,
 Четвертый год больной в чахотке,
 Они приехали теперь.
 Им настезь отворяет дверь
 В очках, в изорванном кафтане,
 С чулком в руке седой калмык.

(Происходит родственная встреча; Татьяне, привыкшей к горнице своей, нехорошо на новосельи).

Под занавескою шелковой
 Не спится ей в постели новой,
 И ранний звон колоколов
 Предтеча утренних трудов,
 Ее с постели подымает,
 Садится Тая у окна...
 Пред нею незнакомый двор,
 Конюшня, кухня и забор.

Разве это не отзвук воспоминаний детства о дворике Санти?

В наброске 1833 г. под названием «Мысли в дороге» поэт, посетив Москву, писал:

«Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, залущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру. Великолешный бельэтаж занят мадамой для пансиона, и то слава богу. На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается в наймы — и никто его не покупает, и никто его не нанимает. Улицы мертвы: редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицеймейстеров, со своими казаками... Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленные после последнего представления французской комедии. Барский дом дряхлеет. Во дворе живет немец-управитель и хлопочет о проволочном заводе»¹⁾.

¹⁾ Изд. под ред. Венгерова, т. V, стр. 249.

И в этом отрывке чувство снова подсказывает: вот и здесь старые отголоски детства у Харитония в Огородниках — и сад одичалый, и вызолоченный герб на графском доме, и вывеска портного Березницкого, и полицеймейстер, скачущий с казаками в конец Харитоньева переулка, и заброшенный домашний театр Юсупова, и дряхлеющий особняк Санти, в котором некогда сходились люди, создававшие новую литературную эпоху и новое понимание жизни...¹⁾.

Так все проходит в нашем мире.
Не будет камней, лавров и утех,
Но след останется от тех,
Кого воспел поэт на вещей лире.

¹⁾ Топографические сведения о „дворах“, где жили Пушкины, основываются на подготовительных работах трех стадий: а) на разысканиях в архиве бывш. консистории по исповедным ведомостям записей о Пушкиных и фамилий домовладельцев, у которых они жили, б) на обследовании по окладным книгам трудами Николая Петровича Чулкова, под какими номерами значились в начале XIX стол. и позднее разыскиваемые домовладения и в) на проверке предыдущих данных по планам в архиве губерн. инжеп. Московск. губ.

ПУШКИН
в
Москве

